

Кайрат
Жакбергенов

Отраженные пространства

Кайрат Бакбергенов

ОТРАЖЕННЫЕ ПРОСТРАНСТВА

Кайрат
Такбергенов

ОТРАЖЕННЫЕ ПРОСТРАНСТВА

Книга переводов

Алматы
2009

УДК 821(574)
ББК 84 Рус-Каз 7-5
Б 19

Автор выражает благодарность
Дюсенбеку Накипову
за помощь, оказанную в издании книги.

Б 19 Бакбергенов К.
Отраженные пространства: Книга переводов.
– Алматы: Издательство «СаГа», 2009. – 224 с.

ISBN 9965-443-85-8

В эту книгу, наряду с ранее опубликованными, вошли новые переводы стихов казахских, немецких, сербо-лужицких, венгерских и других поэтов. Разные времена и разные судьбы объединены в ней единым духовным поиском и энергией. Особую ценность придает книге то, что большая часть переводов сделана с языка оригинала.

УДК 821(574)
ББК 84 Рус-Каз 7-5

ISBN 9965-443-85-8

© Бакбергенов К., 2009.
© «СаГа», 2009.

КОЧЕВЬЕ

Вновь на месте не сидится,
вновь родня меня клянет,
мол, порхаю будто птица,
и куда меня несет?

Только жизнь моя – качели.
По всему во мне, видать,
пробуждается кочевье –
плыть, лететь или бежать.

И как перекаати-поле,
я у мира на виду
вновь ищу чужие боли,
схоронив свою беду.

Я не знал по вас печали,
степи голые пески.
Но качели укачали
до пронзительной тоски.

...Мы с тобою из породы
тех, кому в чужом раю,
в зеркалах чужой природы
суждено искать свою.

1983

Доспамбет-жырау

(XVI в.)

* * *

(отрывок)

Здесь земля как земля,
среди степных родников,
чем же хуже Стамбула Азов,
чем отважный азовец Ер Доспамбет
хуже ханских сынов?

Нет,
в дни, что небом дарованы нам,
далеко до него было ханским сынам.
Много славных героев Азов повидал,
но не видел еще,
чтоб коня своего
кто-то яблоками кормил.

Глубок, глубок, глубок снег,
снизу – мягок, сверху – наст.
По насту гнали лошадей,
и стыли бороды у нас
и обрастали льдом.
А я тяжелый вел отряд
на холодеющий закат.

Да, жизнь сперва сладка, как мед,
но все ж в конце нас гибель ждет.
Ер Доспамбет сказать бы мог,
как этот мир жесток.

Мне рассвет был полднем жгучим,
а звезда Шолпан – зарей,

был всегда травой дремучей
для коней ковыль степной.
Нам шатрами были тучи
пыли горькой и седой.
Мы не раз коней в походах
заставляли уставать,
жен своих, оставив дома,
долго ждать и тосковать.

Стрела вонзилась в бедро коня,
за ней другая – уже в меня.
И струи черной крови из ран
не остановишь корнями трав.
А в ногу – третьей стрелы толчок,
вмиг переполнила кровь сапог.
И жизнь уходит,
и жизнь сладка,
но рана слишком уж глубока.
Пусть кровь присохла,
но я без сил,
повязки кто бы мне наложил.
Но никого уже рядом нет –
я изнемог и не мил мне свет.

Леса, леса, леса вдоль рек...
У рек холодных ночевал,
навьючив наров, кочевал –
и не жалею.
Сиявший лунным светом шлем
я надевал пред войском всем –
и не жалею.

Я резким взмахом топора
повелевал: Нам в путь пора! –
и не жалею.
Я девам косы проливал,
любил и тут же забывал –
и не жалею.
Я бился, на тулпара сев,
переступавшего как лев, –
и не жалею.
Немела у меня рука,
но стрелами разил врага –
и не жалею.

Да, жизнь свою припоминая,
мне не о чем теперь жалеть,
и я, шахид, бойцом Мамаю
рад умереть.

Шалкииз-жырау

(1465-1560)

* * *

День, когда я превзошел сына бая
и ходил, тяжело и гордо ступая.

.....
.....

День, когда умер бий Орманбет.
День разлуки ногайцев. День бед.
День, когда сокол, устав на охоте,
не смог настичь лебедей в полете.
День, когда гончая, лисы не догнав,
гончая самых отборных кровей,
в тень улеглась, дворнягою став.
Ораз, когда десять твоих сыновей
играли, единственный сын Джиирлы
выстрелил и, не найдя стрелы,
в злобе землю камчою бил!..

Ахтамберды-жырау

(1675-1768)

* * *

Каждый может и гордо ступать,
и батыром себя называть.
Не у каждого выдержат ноги,
сердце выдержит у немногих.
Дрогнет враг,
если вы не свернете с прямого пути,
пожалевшим врага оправданья вовек не найти.
О джигиты, в бою
не щадите ни жизни, ни сил.
Ваши души отнять
может только один Азраил!

* * *

Шею верблюда груз переломит,
голову юноши девушка склонит.
По льду промчатся в жестокий мороз
и обессилят резвые кони.
Гордо ступает гордый олень,
но от стрелы он никак не спасется.
Юноша гордый словно олень,
щедрой руки его бедность коснется.

* * *

Этот кумыс –
в меру пьющим джигитам арака и мед,
а не знающий меры юнец –
не кумыс – кровь отцовскую пьет.

* * *

И на сердце моем так тяжела
врагами нанесенная обида.
В семнадцать лет не покидал седла,
шел на врага и, думая о битве,
я лишь ее
выпрашивал в молитве!

* * *

Боль моя и моя любовь –
закипает на сердце кровь.
Я навстречу врагу иду,
приторочив саван к седлу,
криком все преграды круша.
Пусть тоской изойдет душа!

Тлатикара-акын

(XVIII в.)

* * *

Мир вам, почтенные старцы, вельможи!
Не щадит нищета наши души и гложет.
Да, в степи я – батыр,
вряд ли ровню мне сыщешь,
в дом войду – становлюсь и убогим, и нищим.
И шалап, мною выпитый на заре,
не в желудке уже – в мочевом пузыре.
Смерть-прелестница, знаю, стоит у порога.
Так сойдите с коней, –
вот – лачуга моя...
Вот – дорога!..

Шалап – смесь воды с кислым молоком.

Илал-акын

(1748-1819)

* * *

Где этой смерти только нет?
Ее не знает лунный свет
и солнечные дали.
На грош, однако, толку нет,
как и от тысячи монет,
от mnogой от печали.

* * *

От смерти не уйти, ее не избежать,
пусть даже ты родился львом меж львами.
Ведь стоит только Богу пожелать,
звезда ночная рухнет перед нами.

Поверьте мне, джигиты, Бог велик,
творя молитвы, жизнь ему доверьте.
В конце концов ведь умер тот старик –
Коркыт, что сорок лет бежал от смерти.

Почил старик – так замерли ветра,
погиб джигит – так молния сразила
высокий тополь. Смерть, увы, быстра –
как взмах ресниц... она уж наступила.

* * *

Орехи с куста, что вырос над кручей,
сорвет в отчаяньи человек.
Под ношею тяжелой верблюд могучий,
по брюхо в грязи, не замедлит бег.

Герой – кто не вскрикнет,
если вонзится
стрела оперенная в грудь.
Помни, что минуло – не возвратится,
и взятого Богом – уже не вернуть.

Жусипбек Нимаутов

(1889-1931)

КОЧЕВКА

Сквозь сон долетает: «Пора откочевывать нам!»
Лицо потираю, с трудом разлепляю ресницы
и, щурясь, гляжу с удивлением по сторонам:
все движется, все суматошится, все суетится.

И, как муравьи, деловито хлопочет народ,
а трудным заботам, видать, ни конца нет, ни краю.
Разобраны юрты. Гора на повозке растет.
Поклажу арканами пестрыми перевивают.

Здесь нет никого, кто бы праздно стоял в стороне,
считая людей, как ворон, в суете неустанной.
«Арбу заложите!» –

«Ну вот – все порушили мне!» –
и посвист камчи, и смешок
вслед за окриком бранным.

«Коров подоите...» –

«Когена никак не найду...»
«Кому говорят, поворачивай живо отару!»
«Чего же стоишь ты, набрось-ка на лошадь узду...»
«Покрепче вяжи –
растеряешь поклажу задаром!»

«Эй, чья там корова гуляет в нескошенной ржи?»
«Да брось ты возиться с телёнком,

подай мне веревку!»
«Тяни до упора подпругу...» «Коня придержи!»
...Одно только слово у всех на устах: откочевка!

И талии туго затянуты у молодых,
что грузят арбу за арбой, помогая друг другу.
Коней созывая, джигиты летят во весь дух –
и топот, и крики «кур-кур» оглашают округу.

Мальчишка с уздечкой в руках, спотыкаясь, бежит.
Табун врассыпную,

мальчишка вдогонку – а толку?!

Он смотрит потерянно и от обиды дрожит:
«Ага... Агатай!» – бедолага твердит без умолку.

Неужто ни капли ни в ком, ни на грош доброты?!
И не достучаться до них,

и взывать к ним напрасно!

Стоит сиротливо среди толчеи, суеты,
и взгляды людские скользят по нему безучастно.

«Глядите-ка, наш верблюжатник старик Жапабай
кобылу седлает – увел у кого-то, пройдоха!»
За пегим быком потащилась со скрипом арба,
пожалуй, и мне прилепиться к ней было б неплохо!

Дрянная скотина, намного дрянней ишака!
Три шага пройдет и стоит – истукан истуканом.
Крутить ему хвост всю дорогу устанет рука.
Эх, язва его побери, маята с окаянным!

Не сел бы на эту собаку, да черный верблюд
дурнее в сто раз: вот уж норов взаправду собачий!
Паршивец упрямый!.. И сам изведешься, и кнут
о драную спину его измочалишь впридачу.

Кобыла-трехлетка, ощерясь, грызет удила.
Слуга босоногий управился с нею насилу:
в который уж раз вышибает его из седла.
И нечего думать объездить такую кобылу!

Завидев мужчин, убегает невестка стремглав,
желек на лицо опускает и там, в отдаленье,
от глаз любопытных подальше, подол подобрал,
садится на лошадь, вокруг озираясь в смущенье.

И глух колокольчик, и полунавьючен верблюд,
и ступица мазана дегтем... Бескрайнею степью
железом обитые спицы арбу понесут, –
в ней тоже следа нет от прежнего великолепя.

Колеса натужно скрипят под разбитой арбой,
нестройные песни выводят... И сердце в тревоге:
неужто как песни колес, что звучат вразной,
так дети твои разбредутся по разным дорогам?!

Коген – привязь для молодняка.

Кур-кур – звукоподражание: так подзывают лошадей.

Агатай – уважительное обращение к старшему.

Желек – шелковое покрывало.

ПРОЛОГ К РОМАНУ «АКБИЛЕК»

За Оськеменем, за Бухтармою, правым берегом Бухтармы – достославный старец Алтай.

С южных склонов того Алтая, низвергаясь, бежит на запад, с головою бросаясь в Иртыш, говорливый бурливый Курчум.

Тот Алтай, тот Курчум – с незапамятных пор – обитель многочисленного Наймана. Как сурова зима Курчума, как погоже лето Алтая! И едва лишь проглянет солнце, все четыре вида скота припадают к груди соснового старца Алтая, словно льнут к материнской груди, и теснятся и ластаняся, полнят свои сычуги и тучнеют.

В изголовье у старца Алтая, на горячей его ладони, тихо плещет медовой, прозрачной – и гладь ее небо, и глубь ее небо, – хмельною водой Маркаколь. На его берегах ожерельем из белого жемчуга белые юрты народа Алтая. Он – избранник Алтая, он – баловень гор, как обласканный свежестью горных ветров благородный олень. А вода Маркаколя как мед. И тугие сосцы животных, что воды Маркаколя испили, что травы Маркаколя отведали, так и брызжут густым молоком, брызжут не молоком, а самой благодатью, наполняя конек за конеком.

Выдаивая черные саба, прохладным и густым кумысом, игристым и целительным кумысом наполним наши чаши. Лицо того кто выпьет хоть шара, горит огнем, – он словно побывал в объятьях райской девы; уста его гудут струной кобыза; он пьян, он молод; он готов седлать того, кого и ветер не нагонит, и, сотрясая горы и сокрушая камни гор Алтая, с весельем и отвагой он рвется в схватку, скачку и кокпар.

Говорить про красавиц Алтая – слова не идут с языка. Злато-серебро в недрах Алтая; мочки нежных ушей оттянули на пядь золотые сережки, лица – луны Алтая, глаза их – газели, смех подобен заре, стан – тальник на Копе, поступь их величава, опасна для сердца джигита; улыбнется – рассудка лишит, бросит звонкое слово – и путает мысли, ты не волен в себе, ты во власти таинственной воображения...

Конек – кожаное ведро.

Саба – бурдюк для кумыса из целой шкуры козла, либо коня.

Шара – большая деревянная чаша.

Кокпар – казахская национальная конная игра.

Магжан Жумабаев

(1893 - 1938)

МОЙ НАРОД

Другие народы, душой устремясь к небесам,
ключи подбирают к наукам, иным чудесам.
И, вспыхнув во мраке Звездою, Луной или Солнцем,
они с высоты дарят свет торжествующий нам.

Им незачем ждать, чтоб с небес снизошла благодать,
им время дано, чтоб грядущее предугадать,
впрягая огонь, бороздить небосводы и воды
и жажду познания детям своим передать.

И только казахи, собою довольны вполне,
глядят безучастно, бездумно стоят в стороне,
живут понапрасну – иные им ведомы страсти.
Безумные страсти несут их по мутной волне.

Богатства транжирия, богатые рвутся во власть,
ничем не гнушаясь, – дай властью потешиться всласть!
А прочему люду печальная выпала доля –
сутяжничать, красть, убивать да судьбу свою клясть!

Так день ото дня усыхает, как кожа, земля, –
из жил ее кровь бледно-серая тянет змея.
А тех, кто когда-то с безжалостной спорил судьбою,
всех режет под корень серпом роковая жнея.

Чиновники все из себя образованных гнут,
в усердьи чрезмерном любого за пояс заткнут.
Мы – гордость народа, мы – цвет, мол, мы – белая кость,
и кроткий, покорный народ подставляют под кнут.

Шакирты живьем загнивают в своих медресе,
где духом растленья и стены пропитаны все.
Как стая ворон, чуя падаль, гнездо покидают,
неправдой живут и идут по неверной стезе.

Степные красавицы здесь продаются за скот,
и юную деву ласкает беззубый урод...
Но только любовь ты за пять кобылиц не получишь!
Зачем сеять смуту в сердцах молодых и разброд?!

В извечных раздорах и спорах, как в вечных трудах,
погряз и душою, и сердцем мой бедный казах.
Душа его – сад, но едва распустившимся цветом
отрадовал он – увяданье лежит на садах.

Неужто казаху задаром вот так пропадать?!
Течение жизни его обращается вспять.
Увы, грамотеи, но в этом и ваша погибель...
Ужель, недоумки, и этого вам не понять!?

ОРАЗА

Под утро сладок сон, но есть
одно желание святое, –
успеть чего-нибудь поесть! –
что не дает тебе покоя.

Ты просыпаешься чуть свет
и вдруг срываешься с постели,
спешишь на двор, полуодет:
Не рассвело ли в самом деле?!

И время есть еще вздремнуть,
нырнуть скорей под одеяло!..
Но... утру указуя путь,
Шолпан взошла и воссияла.

Звезда торопит: «Ешь скорей!»
Звезда назойливее мухи:
“Бери побольше, пожирней,
не то подохнешь с голодухи!»

От яств ломится щедрый стол,
но все подчистят – будь уверен!
Ведь наш желудок что котел –
и безотказен, и безмерен.

Задернут полог, лишь свеча
стыдливо пост наш освещает.
Смотри, не лопни сгоряча –
живот ошибок не прощает.

Ах, ораза! Жизнь так трудна,
и ты – не в благо, а в убыток!
Да будет проклята она –
привычка добровольных пыток!

Ораза – тридцатидневный пост у мусульман.
Шолпан – утренняя звезда, Венера.

ПОВСЮДУ...

Повсюду по имени знают меня.
Орлу ли бояться воды и огня,
чьи лапы от крови чужой заскорузли,
который не праздновал труса ни дня.

В прыжке я взошел на высокий Алтай,
стрелу из степей посылал я в Китай.
Ни разу во мне ты не дрогнуло, сердце,
неужто изменишь теперь невзначай?!

Я – крепости приступом бравший герой,
считавший со львом поединок игрой...
Но если я струшу пред сворой дворовой, –
сырая земля, от позора укрой!..

Данный перевод, по сути, является плодом коллективного творчества и выполнен на основе перевода А.Казанцева.

СЛОВО ХРОМОГО ТИМУРА

Мир ничтожен и мал,
Я держу этот мир на руке.
И, поверь, двум богам
Тесно будет в одном кулаке.

Правит небом Тенгри –
Пусть парит в небесах его трон!
На земле бог – Тимур,
Ты, Тенгри, мою землю не тронь!

Сути нет, рода нет.
Ты, Тенгри, – перекатная голь!..
На земле бог – Тимур,
Родом – тюрк, а по сути – огонь!

ЖИЗНЬ

Жизнь – лиса, ты – гончий пес,
Гонишь зверя лаем.
Гон не в шутку, все всерьез.
Жизнь – лиса, ты – гончий пес...
Но добычу тот унес,
Кто слал гончих стаю.
Жизнь лиса, ты – гончий пес.
Улыбайся, лая...

ПТЕНЕЦ ВЗМАХНУЛ КРЫЛОМ

Птенец взмахнул крылом...

Молод был. Да и крылья еще не окрепли. Поневоле взмахнул. Перед холодом севера не устоял. Ветер жгучий, студеный его пробирал до костей, колким холодом грудь наполнял.

Полетел было к лесу птенец, но деревья – вчера перед ним раскрывали объятья, все шептались, о чем-то смеясь, – на него не взглянули. Полетел он к густым тугаям, только, как ни кружил он и ни щебетал, толстым саваном белым укрывшись, так и не расступились пред ним тугаи.

И приюта птенец не нашел.

Птенец взмахнул крылом...

Умирал он от голода. Снег – по холмам, по низинам. Ни былинки, ни зернышка он не нашел. «Так и быть, залетай и живи на дворе, дам тебе все, что нужно...» – сказал человек – северянин, не сердце, а льдина, не печень, а камень, – рассмеялся тому, как дрожит и в смятении бьется замерзший птенец.

Птенец взмахнул крылом...

Думал он долететь – если сил ему хватит – до теплого края. Долететь до Есиля-Нуры и напиться медовой воды близнецов. Долететь до Арала – обнять раскаленный песок. Окунуться в прозрачную глубь Балхаша. Отдышаться, к груди припадая Алтая. Плыть, качаясь на пенной, как взбитые сливки, волне Маркаколя.

Птенец взмахнул крылом.

* * *

Проливни волос –
расплетенных кос,
чист и звонок смех,
зубки – жемчуга,
и нежна рука,
и бела, как снег.
Поцелует лишь –
вспыхнешь и сгоришь...
Умереть не грех!

ГУЛЬСУМ-ХАНУМ

Глаза верблюжонка, волшебные речи – Гульсум!
Нечаянной радостью путь мой отмечен, Гульсум!
Но кто мне ответит, зачем вдруг при встрече с тобой
в смущенье приходит душа и уходит покой?!

Глаза верблюжонка, волшебные речи – Гульсум!
Пусть Солнце мрачнеет, но вечно смеется Гульсум!
Сама словно Солнце, что в небе беспечно плывет
и знать не желает, что влюбит в себя и сожжет!

* * *

Узник, повязан жестокой тюрьмою,
я оглушен непроглядною тьмою.
Свет мой, любимая, где она, где?
Скованной к ней устремляюсь душою...

Думает ли обо мне дни и ночи,
сердце изранив, повыплакав очи,
и, по ночам распустив свои косы,
молит: «Да будет разлука короче»?

Или по-прежнему день ее красен,
смех ее весел, взгляд ее ясен?
Может, меня вспоминает от скуки?
Может, мой плач по любимой напрасен?!

Слезы безмолвные я проливаю,
в полдень горю – и ночами сгораю.
Любит, не любит? – Какое мне дело!
Тысячекратно ее выбираю.

Мне не осилить суровой науки
ранних утрат, неизбежной разлуки.
Господи, дай мне забыться, уснуть –
и целовать эти губы и руки.

ДОМБРА

Памяти покойной Ш.

Ночь. Мы лежим раздевшись. Свет погашен, по юрте бродят черные густые тени. И лишь на белой занавеске, на правом косяке двери, слегка дрожит скользкий через неприкрытый край шанырака лунный луч. Но то колышется на самом деле занавеска... Джигит, лежащий рядом, играет на домбре... И мы молчим... Лишь голос слышится домбры... Чужой, тяжелый голос, погружающий в глубокое раздумье, бросающий в неизъяснимый трепет. Так горная река в глухую ночь бежит с тяжелым шумом, так камыши озерные ненастной летней ночью перешептываются, прячась друг за друга, чего-то словно испугавшись... Домбра – то словно разговор вполголоса дрожащей на ветру листвы, то словно тихий стон больного человека. Она тоскует... ропщет... Вдруг издали послышался мне слабый голос... Чей-то печальный голос... приближается... Словно – тихо так – кто-то поет нежным печальным голосом... Это женщины голос... «Есть ли в этом обманчивом мире души несчастнее наших?! Так яви же нам милость свою, о Создатель!» – молит женщина... Плачет женщина ночью в безмолвной степи, выговаривает печаль... Видно, высказать тяжкое горе свое и немую тоску никому, кроме бога, не смея, плачет женщина, молит и ропщет на долю свою... Голос ближе и ближе... Еще явственней, горше, печальней... «Плоть от плоти родное дитя обрекли вы на муку! Чем же я провинилась пред вами, родные мои?..» Шлет проклятия женщина... Проклинает она мать-отца, что своими руками ее бро-

сили в этот огонь, шлет проклятья не знающей жалости кровной родне, превратившей ее... в бездушную куклу, в лишенную чести рабыню...

Приоткрыв осторожно дверь, она вошла. Такая юная, в легком белом платье; незаплетенные, длинные густые волосы двумя черными волнами ниспадали на грудь. На щеках ни кровинки, бледна, под тонким белым платьем по всему телу кровавые подтеки и синяки. А в огромных черных глазах безумная печаль и неизбывная боль...

Приблизившись, она посмотрела мне прямо в глаза. Ее взгляд был и нежен, и холоден. Улыбнулась слегка, хотела было заговорить, шевелила бескровными губами, но вдруг закашлялась... Кашляла долго... Глухим, тяжелым кашлем... Чуть погода кашель прекратился.

Обессилен, она едва перевела дыхание. Говорить уже не было сил... Я видел, как из ее черных глаз катились парами по бледным щекам прозрачные слезы. Я узнал ее... Сестренка! Любимая моя! С душою ангела, с лицом небесной красоты! Красавица... печальная красавица моя... Бедная, несчастная сестренка!.. всю жизнь свою короткую ты прожила, глотая горький яд! Подлые люди тебя словно заживо в землю зарыли, сестричка!..

Мое тело горит... Сердце комком подступает к горлу. Из глаз моих льются горячие слезы... И стонет домбра, причитает и – тихо так – плачет без слез. Плачь, домбра моя, плачь!

Шанырак – деревянный свод юрты.

ВОЛНА

Волна волною рождена.
Волне вослед бежит волна
вдоль по речному плесу.
Заводят волны разговор –
ах, этот милый сердцу вздор! –
все о любви к утесу.

И чтобы выведать секрет,
хотя меж волн секретов нет,
волна с волной сойдутся,
но тут же, весело смеясь,
игриво пенясь и змеясь,
подружки разбегутся.

То, как ребенок, лепеча,
то, как лесной ручей, журча,
волна бежит по плесу, –
спешит серебряной водой
и легкой пылью золотой
лицо омыть утесу.

Спешит поцеловать утес,
омытый водопадом слез,
любви своей не пряча.
И плач ее похож на смех,
и смех ее похож на смерть –
умрет, смеясь и плача.

Звонкоголоса и нежна,
волне вослед бежит волна,
волна волной играет.
И всю любовь свою – свой мед –
она утесу отдает
и тихо умирает.

* * *

Без луны и без роз
соловей безголос,
 а немой соловей – птичка серая.
Если немы уста –
грудь теснит пустота...
 Сердце стылое – бездна безмерная.

ЗИМА

Кроет ветки попоной тонкой,
гонит к дому, к теплу теленка,
 ходит полем, следы замечая,
молодицам щеки румянит,
за нос тянет сосульки, тянет, –
 холод лютый, зима крутая!..

ПЛАЧ АСАНА КАЙҒЫ

Куда б ни шел – повсюду цепи,
и болью спаяны уста.

Куда б ни шел – бесплодны степи,
и жизнь никчемна и пуста.

Куда б ни шел – там мать печальна,
там кормит нищего сума.

Степь бесконечна, безначальна,
и все-таки она – тюрьма.

Куда б ни шел – а смерть, похоже,
с тобой повсюду и всегда...

Сердца джигитов лижет, гложет
белесым пламенем вражда.

Куда б ни шел – народ в смиренье.

Он вечно клянчит у певца
одну лишь песню – утешенье,
баюкающую сердца...

Да что он там, меситель глины,
морочит голову, дурит?!

Ужели жизнь и скорбь едины,
а счастье нам

лишь смерть сулит?

Как эти речи безрассудны!

Но чем? Любовью отплатить
за нелюбовь?

Сдержаться трудно:
пригубив, чаши не испить?!

Бог покарает – не иначе.
Но был я прах, и стану – прах...
Да, я на свет явился – плача,
и сгину – с плачем на устах!..

Асан Кайгы – старец, искавший землю обетованную для своего народа, но так и не нашедший ее.

БАРЫМТА

Кошму раскинув прямо на земле,
старик сидел, скрестив сухие ноги.
И как вода в пастушеском котле,
пыль закипала на дороге.

– Помедли миг, вечерняя заря,
и выкажи, кто скачет по дороге.
Коль друг – он сядет рядом у костра,
а коли враг – моя рука не дрогнет...

Над степью плыли,
в клубы свивались
потоки пыли,
и кони мчались,

подобно с кручи
летящим рекам...
Табун приучен
к ночным набегам!

И он, влекомый,
как только минул
овраг знакомый,
во мраке сгинул.

Дремало пламя,
но вот – добыто,
когда на камень
нашло копыто.

Глаголом чести,
он – чист, прозрачен,
взывали к мести,
но смысл утрачен.

Утрачен разве?
Он был созвучен
неброской фразе:
Табун приучен...

Послушай, что же
все это значит?..
Что день был прожит,
но снова начат...

СТОЯНКА

И покуда нам не слышно грома,
и не скрыли тучи окоёма,
верим, что в ауле – целый мир,
или в мире три-четыре дома,
три-четыре дома.

Ветер детский смех, что было сил,
в дали голубые уносил.
А в ауле три-четыре дома,
три-четыре дома,
сто могил.

Барымта – насильственный угон скота.

ГОРЕНИЕ

Был огонь, и его
раздували ветра,
но однажды погас,
не дожив до утра.

Было древо, на нем
каменела смола.
Стало углями, но
не сгорело дотла.

Пусть воскреснет огонь
и меня взвеселит!
Древо станет золой,
если дважды сгорит!

МЫ

1

Мы, как тело и душа,
дом и печь, – неразделимы.
Кто там всходит не спеша
на крыльцо мое незримо?

То привидится беда:
и войдет, и печь разрушит,
дом становится тогда
обезличен, бездушен.

Иль предчувствие вины
нас тревожит то и дело:
у единственной стены
печь стоит осиротело.

2

Мы – как дом, печь в том доме – другие из нас.
И на нас смерть с порога глядела не раз.

Если вдруг рухнет печь, – но не думать о том, –
боже мой, и тогда – опустеет наш дом.

Если вдруг рухнет дом, – как с такою бедой
сладить нам? –
боже мой – печь глядит сиротой.

* * *

Быть может, сам я виноват во всем?
Я матери поведал то, о чем
отец просил меня не говорить.
Ведь обещал я другу своему,
что не скажу ни слова никому,
но вот жена сумела расспросить.

Моя ли? Нет, поэзии вина.
Мы подневольны, а она вольна,—
скажу ей все, хоть жизнь велит смолчать.
Ведь истина в крови, и если петь
я не смогу, то должен прохрипеть
и, голоса лишившись, промычать.

МЕЧТА

Пустыня – впереди, пустыня – за спиной.
Моря переплыву, другие – предо мной.

И скоро уж в пути ты встретишь старика.
Перешагну ручей, а предо мной – река.

Но рвется из-под ног и вдаль бежит тропа.
Куда ни глянь – леса маячат, как судьба!

В искусстве, друг ты мой, нет меры никакой:
взойдешь на перевал, за ним встает другой.

Я выбился из сил, но как еще далек
мерцающий вдали проклятый огонек!

* * *

Мелькнула мысль. – Иловишь то мгновенье:
мелькнут ли вновь в лесу рога олени.
Напрасно ждешь.

Нет слов.– В кармане роешься, как нищий,
и тщетно под ноги упавший ищешь
последний грош.

Вот белый лист. – Вот солончак бесплодный:
но лишь земли коснется плуг холодный,
бросает в дрожь.

ЛЕТНЯЯ НОЧЬ

Тихой песни обещаньем
наполняют нежно грудь
ночи и небес венчанье,
обручальный Млечный Путь.

Припадаю жадно к росам,
пью прохладу, лунный свет.
Ночь свои распустит косы, –
слышу перезвон монет.

Здесь коней трава треножит,
и меня приворожит –
вод полночных не тревожа,
лодка месяца бежит.

Но меня печалью полня,
сякнет темная река...
Осуши глухую полночь
до последнего глотка!

Абдикарим Ахметов

(1924-1983)

ЖЕРЕБЕНОК

Вдали Гуляб. И от его порога
все дальше относил нас дорога.
Заезженной пластинкой старомодной
вращалась под колесами земля.

Мы мчались и не ведали напасти:
вдруг жеребенка красно-гнедой масти
мы увидали. Из-за поворота
он вылетел – как пуля из ствола.

Или слышав зов горячей крови?
Иль в табунах себе не встретив ровни?
Он бросил вызов нам: давай поспорим!
Примерил скорость к резвости своей.

...Он падал неуклюж и скособочен.
И скорбно степь стояла вдоль обочин,
стояли деревья – убиты горем
и камня придорожного мертвей.

Он будет тосковать по вольной воле,
его не встретит больше ветер в поле...
Никто из нас не вымолвил ни слова, –
звнящая стояла тишина.

Он. не сумев подняться, кротко замер,
смотрел на нас огромными глазами.
Во влажном взгляде жеребенка словно
застыл вопрос: так в чем моя вина!?

ТУСАУ КЕСУ

Черного барашка приведите,
черной пряжи принесите.
Белого барашка приведите,
белой пряжи принесите.

Я из черной пряжи нитку,
нитку черную спряду.
Я из белой пряжи нитку,
нитку белую спряду.

После черную да белую
в ниточку одну скрочу.
После ноженьки несмелые
малышу перехвачу,
ниткой той перехвачу.

Уж вы, белы-белы ноженьки,
пестру нитку разорвите.
Жеребеночка стреножена
вы от пут осводите.

Уж вы, белы-белы ножки,
вы ступайте по дорожке
от родимого порожка,
только помните о матушке,
о родимой вашей матушке.

Будут счастье да несчастье,
будут вёдро да ненастие.

Только вы не оступитесь,
ну а ежели оступитесь,
в мыслях к дому воротитесь:
и ступайте по дорожке
от родимого порожка.

Тусау кесу – (букв. разрезание пут) обряд, совершаемый в тот момент, когда ребенок делает свои первые шаги.

СТАРИКИ

Просты и незатейливы
слова у старика,
но простота такая
сложней
иных речей
витиеватых.
Вот памяти листы перебирая,
не отрывая взгляда от огня,
он скажет:
«Сядь к огню поближе.
Откуда родом ты, сынок?»

И кто чей сын распросит.
Как солнца луч среди туч
легко находит брешь,
так он легко находит повод к разговору.

О, сколько тайн в его речах сокрыто,
и чувствами какими перевито
любое слово!
Радость и печаль
одним лишь словом пробудить сумеет
в твоей душе. И снова
перед тобой предстанут
события давно минувших дней –
они по прихоти его спешат
сменить друг друга.
И суть не в том –
в теченьи неслучайных разговоров.

Старик, заслышав,
как в углу старуха
вдруг затихает за веретеном,
кивнет и спросит:
«Как дела, старуха?»»

...Нить разговора разом оборвет,
и уж никто теперь ее не свяжет.

НОЧЬ. ОДИНОЧЕСТВО

Случились ночь и одиночество.
И кажется, что – смято, скомкано –
пространство входит в дом и в точности
размеры принимает комнаты.
И начинен сомненья порохом,
гремишь щеколдой и запорами.
Что чудится за каждым шорохом,
так переполнен дом которыми?
Иль кто-то по углам хоронится –
побаивается – грозит ли?
Иль мышь полночная – бессонница –
ночь напролет под половицами?
Иль кто-то в дверь стучится: полноте,
встречайте гостя запоздалого...
Ты страхе мечешься по комнате:
молчи... не смей впускать... не ждал его...
С надсадным воем ветер, кров ища,
под окнами твоими мается,
и, словно некое чудовище,
в стекло со скрежетом вгрызается.
Еще все страхи не изведаны,
ни одного седого волоса.
Но ты пасуешь перед бедами
и своего не чуешь голоса.
Вот, отсветы бросая тусклые,
огонь стихает на мгновение.
Тобой овладевает усталь – и...
ты видишь снов хитросплетения.

Анри Аэжжа

(1917-1944)

Германия

ПЕСНЯ БРОДЯГИ

Я бродил по белу свету
день и ночь, и день и ночь.
Ни приюта, ни привета
я не знал, гонимый прочь.

Путь мой труден был и долог,
на алмаза чудный свет
шел, плутая в сонных долах, –
от него спасенья нет.

Поднял я его – но кто-то
крикнул мне из темноты:
«Брось, дурак, оставь в покое
жалкие свои мечты!»

Спотыкаюсь о каменья,
сон в пути меня долит.
Но сквозь вечер, как знаменье,
ясный свет алмаз струит.

10.8.1936

Перевод с верхнедуэцкого

НА ЧУЖБИНЕ

Там, за горами, мое счастье,
и безмятежен его сон,
но душу сотрясает частый
моих воспоминаний звон.

О сербская земля,
как мне сказать, когда сказать хочу,
как я тебя люблю?

Перо безумное, молчи
о том, что сердце нашептало,
что живо в нас – не умирало,
что будоражит нас в ночи.

Как можно чувств живое море
через ушко пера цедить
и затаившегося горя
живую рану бередить?

10.12.1936

ВЕЧЕРНЯЯ МОЛИТВА

Прекрасен вечер,
сонными полями
огонь блуждающей свечи
меня ведет,
неведомо куда.

Огонь листвы
березок юных
под звон вечерни
колеблет ветра
легкое дыхание.

Седая в небе,
на земле седая,
очнется ночь нежна,
а в мыслях у меня
глухая тьма.

6.1.1937

ЗЕЛЕНАЯ ZET

Без эротических порывов,
вне очереди забот
тебя любил я тихою любовью,
что связано с тобою, буква Zet:
простую зелень молодых берез,
речных затонов
и церковных башен,
зелень края
невиданных еще досель красот.

Прекрасны небеса,
там зелень райская
звонит беспечно,
вечно бьют ключи
зеленой радости
зеленой Zet.

2.3.1937

КОГДА?

Солнце и месяц –
прялки колеса,
что из кудели кровавой,
розы вечерней зари,
нить выпрядают,
нить времени и судьбы
с моими печальями,
когда же прервет Он
ваш яростный бег
вкруг грешной земли,
родины нашей,
оси колесной?

Вынесет песню свою колдовскую,
сталь сокрушит и холодное сердце,
пряжу просушит,
распялив гвоздями,
которыми сбита небесная крыша.

Слышу и вижу,
и снова в печали
вздых посылаю в горние дали.

27.3.1937

НОЧЬ

Ночь беспощадных
темных тайн подружка
с угольными волосами,
ночь в платье жалевом,
на нем сияют миллионы
золотых камней,
царит над нами.

Дыхание свободы,
метеор сквозь мрак
войдет в мои заботы;
и снова ночь,
и обнимает
нежность незнакомая тебя,
ты устоять не можешь –
надо, сердце робкое.

Голубоватый аметист –
печаль,
поросшая
мхом забытья былого,
от счастья счастьем
грусть сухую топит.

28.3.1937

ПЕРВЫЙ ШАГ

Прочь с глаз, дремота,
прочь,
нимфы вечера и ночи.
День настает,
день небывалых гроз,
день душный и горячий,
под солнцем настоящего,
что все нещадней жжет;
и доле спать нельзя.

Прекрасные мечты и звезды
душе моей
как мертвые тела,
навек прощайте;
мне этот горький свет
уже не даст забыться.

4.4.1937

ФАНТАЗИЯ

Я видел смерть,
она сидела у межи
на житном поле;
о новую, проворную косу
незрелые колосья бьются,
и не смолкает страданный звон:
Золинген, Золинген – дзень!

Порой встает и смотрит воровато –
нигде нет ничего.
Вздыхает, просит молодое жито,
она же славит звонкую косу,
которая одну лишь песню знает:
Золинген, Золинген,
Крупп!

26.4.1937

Золинген – центр сталелитейного концерна Круппа.

MEMENTO

Медленно ступает смерть,
смерти бегать – не убегать;
кто спешит, тот сам находит
прежде, чем она найдет!

29.4.1937

Memento – помни (лат.)

ВИШНЯ

Цветенье вишни белое,
еще на пробил час,
помедли, не спеши,
у смерти счастья нет,
нет времени.

Флодов не будет, нет;
так отчего же молодость твоя
не видит доле света,
и в саван рядится,
ты людям
как пророчица-криница?

Что зеркало твое наговорило –
смотри, здесь столько молодых
до времени на вечер потянулось –
покорных, беззащитных
перед виной твоей?

5.5.1937

В народе говорят, что криница может предсказать будущее, и в ее зеркале можно высмотреть, какая судьба ожидает тебя.

ХЭЙ, ЕЩЕ МЫ ПОЖИВЕМ!

Хэй, еще мы проживем,
малая каморка.
Солнце раздвигает шторы
рдеющим лучом.
Весело вдвоем,
весело вдвоем
мы глядим на юг.

И плывет с полудня к нам
ветер Африканец.
Глянешь в поле из окна,
там, головками кивая,
шепчут розы, проплывая:
Доброй ночи вам!

Счастье и несчастье –
все, чем я богат,
но клочок земного рая
я пронес сквозь ад.

22 6.1937

* * *

Лепет леса слышен еле,
обступив со всех сторон,
тени вздрагивают чутко,
вдаль летит кифары звон.

И во мраке искры выются,
а глаза смеются.

Дым и ветер отлетели
на качелях ветровых.
Наши песни, наши шутки
бесят псов сторожевых.

И во мраке искры выются,
а глаза смеются.

Может, нас разметет ветер,
но всему наперекор
мы когда-нибудь – я верю! –
вновь в ночи зажжем костер.

Пусть во мраке искры выются,
и глаза смеются.

12.7.1937

ПОД ЗВЕЗДОЙ ОСВОБОЖДЕНИЯ

Низкая звезда грозит кнутом.
Звезда низка.
Задаем вопросы шепотом:
война близка?
А спасенье близко? Скоро ли
оно придет?

Ах, кто любит правду, пусть свою
кровь прольет.
Мой народ надеждой одержим –
плачь не плачь –
но она маячит перед ним,
как палач.
Столько жизней за одну отдать,
положить!
Только жизни выпало, видать,
право жить.
И сегодня дьявольской тоске
воплем стать:
я же смог слабеющей руке
руку дать!
Ты, свобода, что зажгла звезду,
погляди,
впереди твоей звезды иду,
впереди!

5.8.1937

ВОДЯНОЙ

1

Дождь убаюкивает лилии и пруд,
шероховатую качается стеной,
летит, выпячивая гордо грудь,
на солнечной лошадке водяной.
И песенки своей бросает сети
на берег: «Подойдите ближе, дети,
я под свою защиту вас возьму!»

И головокруженье чувств хранит
слабейшая любовь, о нет – не роза,
она шипами не пошевелит,
трепещет тихо на ветру береза:
«Прекрасное дитя, не подходи,
беги от водяного, от воды,
скорее спрячься и не верь ему!»

2

Струи словно из стекла,
в небе лодка проплыла,
вниз посмотришь –
водяной
молодой
наклонился над водой,
гонит стайку рыбок кротких золотых.
Надо бы рискнуть,
весло
опустить, коснуться дна,
рыбкам ой как повезло,
стайка больше не видна,
а вода мутна.

Вас одурачили, о, вы в смятенье –
эй, в лодке, неужели весела
на самом деле шутка? –
вдруг весла
печально замерло биенье.
И воды ждут.
Грядущее как Страшный Суд.

5.8.1937

ЦВЕТЕНИЕ ВЕРЕСКА

А дома зреет зарево лугов,
но что терзать себя мечтой напрасной,
уж лучше б пеленой кроваво-красной
забвенья мне глаза закрыло вновь.

И в этом мире, где лишь боль и страх,
судьба сердца на части разбивает
и милостиво нам их возвращает,
а мы теряем их в своих слезах.

Иди и про себя тихонько пой:
куда – я знать, я знать, я знать не знаю –
но не путем смирения ступаю –
меня уводит сердце за собой.

25.8.1937

НАША СЛАДКАЯ ОТЧИЗНА

Над мою голову
стынет небо грозное,
в тишине вина завоет,
Боже, я не виноват.

Но рука не шевельнется,
если узел заплетется.
Как помочь, когда бы знал,
я бы жизнь свою отдал.

Что же ты, народ мой, весел,
был печален – стал беспечен,
перед звуком чуждой речи
обезумевший вконец,
братьев помощи не принял:
и сочувствие – насмешкам,
волчьей стае – кровь сердец.

3.9.1937

КАК СНЫ ТВОИ ЛЕГКИ

Как сны твои легки,
когда печальная судьба народа
ложится на сердце,
никто их не нарушит.

Ты вновь один, один как перст,
но если бросить взгляд окрест,
все пустоты порожней полно,
ни взгляда – слеп,
ни слова – нем,
она же в мысли между тем
из мрака хлещет вольно.

6.9.1937

ВЕЧЕРНИЙ ВЕТЕР

Ветерок подул вечерний,
это матушка, наверно,
шлет вослед молитвы и мольбы,
это матушка, наверно,
и ее любовь святая
сокрушает властные дубы.

Тороплюсь в родимый дом.
Там под лунным серебром
ищет затерявшееся счастье,
затевая ворожбу,
про мою гадать судьбу...

Мама милая, не жди,
боль твоя в моей груди.
Если на чужбине кров найду,
то баллада нашего позора
минет скоро.

16.9.1937

ОТЧИЙ ДОМ

Но когда нам матерью не будешь,
родина, родник глубокой скорби,
путник различит, взойдя на холм,
как чужие люди в старый дом
входят, и как плачет, спину сгорбив,
твой последний сын.
Скажет он и ничего не скроет.

Горд народ и зла судьба:
он твои мольбы отринет,
братьев помощи не примет,
все свое сорвет с себя.
Так уж скроен: глядя гордо,
сам себя берет за горло.

18.9.1937

В ДРУГИЕ КРАЯ

Птицы вновь потянулись в другие края,
опустела сегодня деревня моя.
Я прощаюсь с ней – розы, объятые сном,
стужа выжгла безжалостно синим огнем.

И теперь у меня ничего больше нет,
ничего нет дороже каморки моей.
И в чужой стороне так же ясен рассвет,
и луна, серебристое пламя ночей.

И лучась аметист шепчет мне об одном,
он твердит неустанно о доме родном,
но не ведает он –
эту фразу,
я жую, словно старую корку, всегда:
ты же дома не будешь уже никогда,
да и не был ни разу.

15. 9.1937

Аметист не позволяет тому, кто его носит, отходить в памяти

КОНЕЦ ПОЭЗИИ МАЛОЙ КАМОРКИ

Пусть каморка безмятежно спит,
обо мне тоскуя на рассвете,
я порог ее переступить,
как забыть, что горе есть на свете,
не решусь.

Погоняет тучи ветер грубый,
дождь тихонько в барабаны бьет,
капли, завершая свой полет,
о зеленые стучатся срубы:
с будущим сию, и я не въедлив,
только как понять его, бог весть,
я желанием охвачен весь
узел на шнурках порвать немедля, –
не желаю ждать с такою мукой:
может быть, когда-нибудь во сне
в кротком свете явится ко мне
этот час.

Но меня неведомая сила
вдаль влечет, и жизнь мою пронзила
жуткая тоска по маленькой каморке
и Поэзии.
Еще не время...

23 9 1937

МАТЕРИ

Мама, не надо плакать, полно.
Все тяжелей и круче волны,
и мы на разных берегах.
Через глухие эти дали
вести порой не долетали.
Но хоронить свои печали
я не хочу в твоих слезах.

С этой бедой и с этой болью
хлебом делюсь, делюсь я солью,
но веры нашей не отнять:
я выиграю в том бою,
Лужицу милую мою
я сохранил в душе своей.
Я должен все-таки изгнать
ее фальшивых сыновей.

2 2.1938

РОДИНА

1

И в ледовитом море,
где вечный лед и вечный сон,
где неизбывна вечная печаль,
так не штормит.

В полдневных странах
солнца смерть не ранит.

Отчизна – сердце в горе,
там неизбывна вечная печаль,
ничто уже не мило мне, но жаль
былое время.

2

Родина глубже
входит в жилища,
чем запахи вереска
в мед боровой,
чем погруженный в грудь чужеземца
меч мертвых героев, идущих на бой,
глубже, чем смутной надежды морщины
тех, кто однажды был честен с тобой, –
давних мужей –
всем ты живая могила!

И потому ты прекрасна,
как беззвездная майская ночь
со смолою живых,
ненавидящих ее мощь.

Но будоража память,
манит звенящий рой;
щерится роща пнями,
я же – навечно твой.

5.2.1938

НАД БЕЗДНОЙ ОТЧАЯНЬЯ

На краю у мрачной бездны,
бездны моего отчаянья
поджидает дева Жива,
спать ночами не дает.
А утрами-вечерами
о любви красиво врет.

Долго ждали лучшей доли,
боле верить невозможно,
все, что с лужицкого поля
пожинаешь – ненадежно.

По пути крутому, мысли,
пролетите, день вчерашний
разыщите, расспросите,
как же проклятому люду
злую долю расхлебать.
Без пути ходить в долины –
как над бездной веселиться.
Видя сон, не ведать сна.
Сон не может оборваться.
Время солнцу подыматься,
утру дела наступать.
Чтобы кровным братом зваться,
время сербу подыматься
за желанную свободу,
встав из мертвых, умирать..

15.2.1938

СТАРОДАВНЯЯ НОЧЬ

Эта ночь темна и зла.
Сном пропитанная мгла.
Колобродят на погосте,
по деревне бродят гости –
души мертвых – несть числа.

Где пути-дороги нет –
стережет нас блудный свет.
Там, на топи, на болоте,
горький плач теней по плоти,
вопли, жалобы и бред.

Я войду в лесную сень,
пронесу, как ясный день,
солнце вечного огня,
тени мрачные гоня.

Долго, зная, неугомонным
скорбным звонам похоронным
оглашать еще леса, –
каждый вечер, бредя златом,
кружит над заклётым кладом
чья-то вера в небеса.

15.3.1938

Эно Эудар

Германия

МОСТ МИРА

Нет мира и покоя от него
не жди
он каждый год
нас вновь и вновь тревожит
когда бросается с него
вниз головой кто-то
с израненной измученной душой
и лучший мир, быть может,
находит
под мостом

Перевод с верхнедуэцкого

В ГОРАХ

1. Восхождение

Все мы восходим по главной дороге,
вершину стремясь покорить.
Но кто-то пытается этот приятный
окольный путь сократить...

2. Камни

Камни горных тропинок,
все вы как добрые люди, –
под ноги молча ложитесь,
чтобы мы становились выше...

Будь осторожен в горах
с теми, кто впереди,
и с теми, кто за спиной.
Тот, кто идет впереди,
тебя может ранить камнем.
И ты можешь камнем ранить
идущего за тобой.

МАТЕРЯМ СЕРБСКИМ

Мать,
что свое дитя
на сербском учит жизни,
в сто тысяч раз важнее
самой лучшей книги о нашем языке.

Томаш Савка

Германия

НИКАКОГО ОЖИДАНИЯ ГОДО

двое пришли
в этот мир
мир на двоих обрели
шли они шли
падали и бежали
шли по прямой дороге
долго дорогой долгой

пришли
на распутье

думали надвое
мир подорвали

в пыльной воронке
мыли свои
усталые ноги

Перевод с верхнепольского

ВЕСНА 1978

синички
голубые синички
падают с заборов
избегая пауков

пауки
старательные пауки
прядут свои паутинки
собирая бусинки росы

черви
усердные черви
крадут мертвые цветы
выстилая ими глубь земли

пчелы
занудные пчелы
радостно в ульях жужжат
и ароматом соты полнят

ветер
буйный ветер
дует сквозь сито
с видом рассеянным

дождь
ласковый дождь
идет по раскисшей разбитой тропе
и расцветает белый чертополох

МАЛЕНЬКИЙ ПРИНЦ

Босчану

ты из какого моря
звезд и света
вдруг прыгнул
на мою ладонь
лучи мечты
своим дыханьем
раздувая

что от меня ты утаил
рисую бесконечно на листах
вот Лис вот Роза
ни слова
о Змее

ты не сказал
где прячется
твоя подружка
привет змеиный
был бы мне так кстати

в неведенье гляжу
остекленевшим взглядом
тень образа ее теперь
под кожей у меня живет и жжется

Георг Тракль

(1887-1914)

Австрия

Перевод с немецкого

ПСАЛОМ

Посвящается Карлу Краузе

Вот свет, который погасил внезапный ветер.
Вот кабачок язычников, –
его под вечер покидает пьяный.
Вот виноградник – выгоревший, черный
от дыр, кишасших пауками.
Вот комната, которую они отбеливали молоком.
Безумец умер...
Вот островок на крайнем юге в Тихом Океане –
встречать сиятельного Бога Солнца...
Бьют в барабаны.
Мужчины входят в круг воинственного танца.
И женщины покачивают бедрами, –
в лианах, в ярко-огненных цветах, –
Когда поет взволнованное море...
О наш потерянный, пресветлый рай.

Лесные нимфы покинули свой золотой приют.
И чужеземцы все погребены.
Короткое мерцание дождя.
Сын Пана предстает в обличье землекопа,
который на асфальте раскаленном
проспал до полдня.
Вот маленькие девочки играют во дворе
в убогих платьицах!
Вот комната, наполненная звуками сонат.
Вот тени, стоящие перед ослепшим зеркалом
в обнимку.

На солнце в окнах госпитальных
греются больные.
Вверх по каналу белый катер тащит груз
кровавых эпидемий.

Сестра чужая вновь является
кому-то в похотливых снах.
Она играет безмятежно в кустах лещины
со своими звездами.
Студент, а может быть двойник,
так долго из окна глядит ей вслед.
За ним стоит его убитый брат, иль сходит
по винтовой скрипучей старой лестнице.
В унылом сумраке коричневых каштанов
бледнеет облик юного послушника.
Сад в вечере. Крестовый ход наполнен
летучими мышами.
Привратниковы дети, оставив игры,
глазами ищут золото небес.
Вот заключительный аккорд квартета.
Слепая карлица, дрожа от страха,
бежит через аллею
И позже ищет тень свою на хладных стенах,
овеянных священными преданьями.

Вот вечером по черному каналу
спускается порожний катер.
Извечный мрак старинного приюта оживает
от человеческих руин.
Вот мертвые сироты
лежат у каменной ограды сада.

Из серых комнат ангелы выходят, –
их крылья перепачканы дерьмом.
И черви капают с их пожелтелых век.
Сурова и безмолвна, как в детстве,
площадь перед церковью.
И жизни прежние скользнут перед глазами,
оставив за собой след серебристый.
И тени проклятых нисходят к темным
и стонущим протяжно водам.
В могиле белый маг со змеями гремучими играет.
Над местом казни молчаливо всходит
золотое око Бога.

Франц Кафка

(1883 - 1924)

Австрия

ДЕРЕВЬЯ

Ибо мы – как стволы деревьев. Кажется, они покоятся на снегу, и можно легким прикосновением привести их в движение. Нет, это невозможно, поскольку они прочно связаны с землей. Но посмотри, и даже это только кажется.

Перевод с немецкого

БЛИЖАЙШАЯ ДЕРЕВНЯ

Мой дедушка обычно говорил: «Жизнь удивительно коротка. Ныне она теснится в моих воспоминаниях и сжимается настолько, что я, к примеру, с трудом понимаю, как все же мог решиться молодой человек отправиться верхом в ближайшую деревню, не боясь того, что – если даже полностью исключить любую несчастливую случайность – даже времени самой обычной, благополучно прожитой жизни для подобной прогулки далеко не достаточно».

ЖЕЛАНИЕ СТАТЬ ИНДЕЙЦЕМ

Когда бы стать индейцем, ко всему готовым, и на несущемся во весь опор коне клониться в ветер, мелко вздрагивающий над содрогающейся землей, – теряя шпоры, потому что нет шпор, отбрасывая поводья, потому что нет поводьев, – и видеть пред собой простор размытым, как гладко скошенное поле, уже без шеи и без головы коня.

Эмил Зупел

Болгария

МАМА

Бой последний...

Усталая.

Тихая.

Опустившись на голую землю,
она подбирает неспешно
лоскуток к лоскутку,
погруженная
в сумерки,
в думы свои
и заботы.

Под кофейными веками
затуманенный взгляд
ее некогда жгучих агатовых глаз.
Две янтарных руки
бережливо латают любовь молчаливую
к мужу –
и кроят ее, перешивая,
в любовь свою
к сыну.

Знаменосцы идут и идут...

Здесь шьют их знамена...

Перевод с болгарского

Атила Уожеф

(1905 - 1937)

Венгрия

Перевод с венгерского

ЗАПОЗДАЛЫЙ ПЛАКАЛЬЩИК

Жар в тридцать шесть и шесть,
я в нем сгораю,
а ты меня выхаживаешь, мама.
Как ты легка, вспорхнешь – едва поманят,
так и со смертью рядом прилегла.
Из женщин милых мне, дерев осенних
пытаюсь я составить образ мамы,
но время – до обидного – так мало,
в живом огне сгораю я дотла.

В последний раз я ездил в Сабадсалпаш
в конце войны.
Стояли магазины
который день без хлеба, рты разиня,
а в Будапеште путаницы – страх!
И лежа поперек вагонной крыши,
я вез картошку, а в мешочке – просо,
цыпленка тощего – достался мне непросто.
Все суета, любимая, все прах!

Как ты могла отдать червям могильным
грудь милую... Не ты ль меня корила,
лукавить, мол, негоже, говорила,
а мне лгала – откуда было знать!
Помешивая суп, ты повторяла:
«Ешь, ангел мой, и не студи обеда...»
Теперь твой рот сырой земли отведал.
Так провести –
и разом все отнять!

Я сам бы съел тебя!.. А ты свой ужин
давала мне. Мне ничего не нужно!
Зачем ты спину горбила, стирая?
Чтоб стать прямой под крышкой гробовой?
Когда бы ты еще хоть раз побила,
я с радостью бы сдачи дал, ответил.
«Не быть» стараешься и портишь все на свете.
Бессмыслен этот образ теневой!

Ты самая лукавая из женщин,
свет веры был тобою мне завещан,
и тает светлый рай, что был обещан,
как серебристый, призрачный туман.
Гадалка – ты, но все, о чем гадала,
в несбыточные формы облекала.
Ну, обругай, ну, выбрани нахала.
Я повторю: всех тоньше твой обман!

Мой разум прояснился понемногу.
Ребенок, мать любя, спешит в дорогу,
чтоб собственную глупость превозмочь.
Тот, кто рожден для разочарований,
обмана не снесет иль сам обманет.
Бороться иль терпеть? – любых стараний
итог один...
Святые притчи – прочь!

ЗАКЛИНАНИЕ

Никто меня не вырвет из земли,
погрязшего под ношей непосильной.
О, Господи, прими меня, как сына,
и милостью своей не обдели.

Не оставляй в сиротстве и беде,
скажи, как от неволи уберечься:
Иль верить из-под палки, иль отречься?
О, Господи, прими меня в нужде.

И все же за нечаянный отказ
не ослепляй души моей невольной.
Душа моя – дитя мое, позволь ей
на небеса взглянуть хотя бы раз.

Ты к боли глух, ты равнодушен к ней,
но если я твои заботы принял,
о, Господи, храни меня отныне
в глухонемых владениях теней.

Вели же всем, кого прошу, любя,
быть зорче сердцем и добрее взором.
Суди, не вынося мне приговора,
покуда в жертву не принес себя.

Ференц Буда

Венгрия

Перевод с венгерского

СНЕГ И ТИШИНА

Дома твои под приговором снега,
скрепленного печатью тишины.

Дымят, живут.

Они – одна родня.

Сиротством породненная родня.

Меж кукурузных высохших стеблей,
в аллее меж акаций сухопарых
следы колес

и узкая тропа.

Хомут разохся,

сани развалились,

доходит снег до живота коня,

и холодит горячий пах коня,

доходит до колен,

до живота,

до сердца...

И колокольчик не звенит.

И колокол на башне не звонит.

Покоится в тумане колоколья.

Мел сыплет с потолка,

а глиняные стены

трещат по швам,

и лезет на глаза

соломенная крыша,

обросшая сосулек бороною.

Здесь люди старые живут,

дымят

и дышат,

и кормят кроткие стада
младенца Иисуса,
пьют вино
и топят печи,
и поднимают руку
друг на друга.
Кресты кладут на плечи.
И лики закопченных богородиц
взирают со стены.

Дома твои под приговором снега,
скрепленного печатью тишины...

КАМЕННАЯ СКАЗКА

Каменное небо
в каменной стране
каменные ветви
на каменной сосне
каменные птицы
в каменном гнезде
каменные перья
в каменной воде

каменное облако
каменный цветок
в каменной долине
каменный стожок
каменные реки
каменный родник
и у рыбы каменной
каменный плавник

караулит стадо
каменный чабан
каменные овцы,
каменный баран...
Но в безмолвьи каменном
слышно, как трава,
постучавшись в камень,
шепчет: я – жива!

Катит Солнце-камень
в каменную рань...

Пастушок, скорее
плеть свою достань
и не дай живому
каменеть-неметь...
Пусть на камне камня
не оставит плеть!!!

* * *

Я – нищий странник, вечный ваш должник,
меня вы принимали как родного,
угрюмый лес и золотая степь,
и горы снежные, и море штормовое.

А я летел домой по ясным небесам,
вкруг головы моей глаза сияли.
Среди равнин, закутанных в туман,
лежала родина, меня в себя вбирая.

Под снегом хутора. Стерней проколот снег...
Так спорь, декабрь, с моей душой-свирелью,
корми, топчи меня, крести огнем,
омыв лицо зарею светлой веры.

Я не замедлю кровью отплатить,
пожертвовать своей горячей плотью,
в родное лоно лечь... чтоб зеленел,
из мертвых губ моих взойдя, пшеницы стебель...

Генрих Тейне

(1797-1856)

Германия

* * *

Жизнь – душливый день.
Смерть – прохладная ночь.
Сон вечерней порой
пересилить невмочь.

Слышу даже во сне,
как молодой соловей
все поет о любви
среди зеленых ветвей.

Перевод с немецкого

Райнер Мария Рильке

(1875-1926)

Германия

* * *

В деревне этой самый крайний дом
так одинок, как крайний дом вселенной...

Тропинка пробегает вдоль селенья
и исчезает в сумраке ночном.

А деревушка эта – лишь мосток
меж далей двух, пророческих и робких.
И кто уйдет по той пологой тропке,
тот будет странствовать, убог и одинок,
и кто-то, может быть, умрет в дороге.

Перевод с немецкого

Христиан Morgenstern

(1871 - 1914)

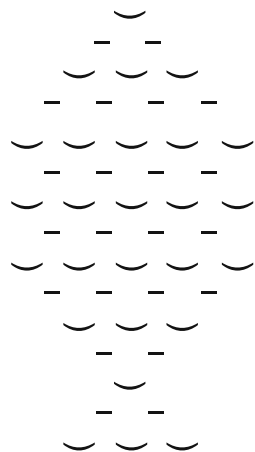
Германия

ДВЕ ВОРОНКИ

поздней ночью ходили две полных воронки
из горлышка узкого струйкою тонкой
лунный свет проливали
на цветущие далии,
на лесную
тропу
и т.
д.

Перевод с немецкого

НОЧНАЯ ПЕСНЯ РЫБ

КРЕСЛО-КАЧАЛКА НА ЗАБРОШЕННОЙ ТЕРРАСЕ

На террасе заброшенной – шатко и валко –
я качаюсь на колком осеннем ветру,

одинокое старое кресло-качалка –
на ветру, ввечеру, поутру...

И качается липа с таинственным скрипом –
надо мной и со мной – на ветру.

Кто же любит еще покачаться, как липа,
на ветру, ввечеру, поутру...

Тюнтер Заалманн

Германия

ЧИЛИ 1973

Случайность то что ты родился
там где ты родился.
Ты мог родиться здесь
и ничего не ведать кроме гнева.
Твои глаза сухими были б как песок
и гнев
сжигал бы вживе.

Ты мог быть сыном старого мужчины
что письма шлет тайком из Чакабуко
из раскаленного сиротства пампы

любимый сын
у нас нет никого
кто жертвой пал
кто без вести пропал...

Перевод с немецкого

ЗЕЛЕНАЯ ТЫКВА

Зеленая тыква висит на березе моей
на белоснежной березе
моей белоснежной.
Как можно подобное чудо
скрывать от пичуг!
Ах,
не будь же со мною жестокой такой
моя сильная девочка.

И ветер качает ее на березе моей
на белоснежной березе
моей белоснежной.
Под тяжестью тыквы прогнулся
березовый сук.
Ах,
не будь же со мною жестокой такой
моя сильная девочка.

Зеленая тыква в траве под березой моей
под белоснежной березой
моей белоснежной.
Со стоном глухим
раскололась она пополам.
Ах,
к груди прижимаю тебя никому не отдам
моя сильная девочка.

* * *

Я мыльницу твою прибил к своей кровати,
да, я украл (прикидываться хватит:
я – негодяй, свет не видал таких!),
когда ты паковала чемоданы
в безумный понедельник утром рано, –
как сувенир из запахов твоих.

Я каждый вечер в пестренькую крышку
откладываю время, как в кубышку,
кладу часы и запонку – одну!
Ты знаешь, с понедельника другую
ищу повсюду, но как ни мозгую –
куда вдруг завалилась? – не смекну.

Цветы годятся тоже, напр. фиалки...

Флориан Кокот

Германия

Перевод с немецкого

РАННЕЕ МОЕ ОКНО

По верстаку в рубанке, как в гондоле,
плывет сквозь сон мой дед.
Из-под густых усов
нет-нет да и мелькнет
ухмылочка кривая.
Как нежно трепетанье
вишневого венца у горизонта.
Крестьянин тяжело ступает по равнине.
Бык, лугами опьянен, плывет к деревне.
Вечерний ветер закликает в ветвях бука
легенды: волшебное кольцо и голос,
ребенок и цветок и море...

Раннее мое окно
обрамляет бабья ругань:
Мерзавка! Тварь!
Меж тем как в погребке,
где с пьяных языков пивной угар
сползает, Навуходносора
целует в лоб
Иисус из Назарета.

Последней кровью истекает солнце
меж облаков. Мой дед
мечтает выпить хлебной водки: Ты
читай Толстого, говорит он, Отче наш тверди,
так в гору жизнь пойдет, он говорит –
и, опрокинув кружку пива, уплывает.

НЕКРОЛОГ

Кривое дерево,
по улице налево дальше прямо,
как велики его страдания
в глазах собак, скворцов,
подвыпившего Шмидта,
который ржавый свой велосипед
терзает дверцею сарая и при этом
Бетховенскую Пятую насвистывает;
кривое дерево,
которое вчера спилили...

скворцы, пятная
его истерзанные ветви,
печальны станут,
осиротело глянет мое окно
под вечер. Бетховенская Пятая
расколется у губ подвыпившего Шмидта.
Собаки морды задерут к луне
иль солнцу вечному:
Ну почему же непременно это?

кривое дерево,
по улице налево дальше прямо,
мое кривое дерево...

РОЖДЕСТВО

Под чужим певучим голосом
будешь ты идти.
Холод опускается на плечи.
С опушенных инеем ветвей
голубой кристалл срывается, и долго
блестки в воздухе плывут,
город падает тебе под ноги.
И рассказывает сказку
рта тяжелый колокол.
Но тот, кто возвратиться хочет,
должен долго пробираться
к теплым окнам.
И дыхания не встретит он,
которое похоже было б на его.

И под певучим голосом
струятся
по твоему челу
чужие сны.

РЕКВИЕМ

Чайковский. 6 симфония, симфония патетическая

Сумрачный ветер.
Руки устало ложатся на лоб.
Солнца запоздалый разговор в березовых ветвях.

За золотыми звонами куполов
развернулась смуглая страна.
В ее бровях гнездится иней:
тяжесть возвращения домой.

Жизнь, ты – чужие врата.
Но есть еще танец,
танец вокруг жизни, которую
мы принимаем,
не смея назвать,
страстно ее принимаем,
в безудержной страсти – танцуем
бедность нашу и наготу
танцуем нашу любовь танцуем
наших детей. Мы кружимся в танце.

Жизнь, ты – чужие врата.
Мы стоим в ожиданье когда породит нас
двойной свет надежды,
сила тел,
пробираемся ощупью бледными пальцами
вслед за счастьем которое нас миновало.
Под дальними кронами
поем мы победу

и истекаем кровью.
или кричим у стен,
сулящих нам приют...

А речь жрецов вуалью скрыта.
Загадочно молчат иконы.
Зверь золоченый шествует по нашим головам.
Мы исступленно бьемся во врата стальные.

Сумрачный ветер.
Ты сумрачный ветер.
Солнцем омыта смуглая моя страна.
Тело свое я в нее погружаю:
стану единым с ветвями берез
последними колосьями
золотыми куполами
и неподвижными ликами икон.

Слободан Симич

Сербия

Перевод с сербского

ПОСЛЕДНИЙ РАТНИК

Многих товарищей я схоронил.

Оставались они на холмах, по обрывам-яругами, пропадали они на окольных путях и беспутье, исчезали во мраке лесов и в тени переулков.

Там, где мы проходили, там мы пропадали. Всякое божье место скрывало притаившуюся где-то смерть. Иногда мне казалось, смерть всегда была рядом, что она вместе с нами сражалась, но порой вдруг, оголодав, жадно набрасывалась на рядом идущих. Голодная смерть была в нашем строю.

Путь наш было легко проследить – по могилам. Ими мечены наши дороги. Это мы выставляли дорожные, скорбные знаки. Не за тем, чтоб направить на путь, а за тем, чтобы с этих путей отвратить.

Нет дороги туда! – говорили наспех сколоченные кресты. Нет дороги туда! – бросались под ноги свежие холмики влажной земли. Нет дороги туда и – оттуда обратной дороги!

Завораживала нас чужая смерть. Обманывали нас чужие могилы. Мы сеяли смерть, не видя того, что она дает всходы у нас за спиной. Верили мы, смертью чужой попираем свою. Как мы были наивны!

Мы несли смерть и смерть принимали, как судьбу и удел, как проклятие. Без смысла, без меры. Все больше, все дальше, все тем же путем. Через свои и чужие могилы.

Это длилось больше года. Не знаю сколько, и этого никто не знает. Такое время ничем нельзя измерить. Одно лишь знаю, что я остался один. Совсем один.

Иногда я хочу, чтобы кто-то пришел, заплакал, оплакал, затеплил свечу и цветы положил. Но нет никого. Только ветер застонет порою – и все.

Иногда я хочу умереть и присоединиться к уснувшим навеки ратникам.

Только, думаю, некому будет ходить за могилами...

О КРАСОТЕ

Я хорошо помню их.

На крошечном озере, окруженном зеленью парка, поселились лебеди.

Едва появившись, они вызвали огромный интерес, особенно у детей. Родители толпами приводили малышей поглазеть на дивных белых птиц. И тогда дети бросали им воздушную кукурузу, семечки, хлеб, крендельки – все, что они могли принести с собой.

Сторож догадался первым: при таком обилии пищи хорошо могли бы жить и другие. И он присоседил к лебедям своих уток.

Дворничиха тоже была женщиной разумной. И вскоре рядом с лебедями резвились ее крольчата.

Продавец цветов соображал медленнее, но не был глуп, и чуть позже в парке меж прочей живности появились его курочки.

Голуби и воробьи пришли сами.

Вскоре парк стал походить на маленький зоосад. Но в нем не было больше лебедей. Они все умерли от голода.

И никого это особенно не смутило.

Эдуард Милитонян

Армения

РОДИНА

Единственная ты,
я без тебя
могу прожить
с листвою в полях далеких,
но не увижу матери своей,
руки, меня зовущей
домой, под вечер, в детстве.

Единственная ты,
я без тебя
могу прожить
в любом другом краю,
вот только запоеет ли птица –
та, что в ладонях у меня гнездится?

Единственная ты,
я без тебя
могу прожить
в далеких городах и странах чужедальных,
но, превратившись в зеркала,
твои дома, твои деревья
не отразят меня,
в них будет только тень моя –
безумная –
скитаться
и, как земля, вокруг себя вращаться...

Перевод с армянского

ПОРТРЕТ

Одинокая женщина,
еще более одинока
в пустой и белой комнате,
где голый стол и стул,
вечернее холодное мерцанье.

Лето,
еще одно лето –
ноги твои прижаты к полу,
руки погружены
в дерево стола.

Одинокая женщина,
твое танго
со стулом, столом и стенами
Торжественно, словно окаменело
(запылившееся имя мужчины),
дерево твоих грез –
испуганное и обиженное.

День,
еще один день, без конца
(задохнувшийся ветер в газовой плите).
По твоему позвоночнику взбирается
приближающийся день...
Как паук.

Одинокие, белые стены.
Еще более белые,
когда увеличивается паук,

и еще более одинокие,
когда женщина в паутине –
ноги прижав к полу...
руки окунув в тишину...

МОЯ РОДИНА

Моя Родина –
дождь мелких крестов
на стенах Гегарда.

Моя Родина –
бассейн с холодной водой,
куда со звоном срываются дни.

Моя Родина вот эта –
где к вину прикасается смерть
и живые поют немо.

ВАРДАВАР

Неси, ликующий день,
нашу стаю
в пестром ветре поля.

Неси, ликующий день,
белую рубаху, зеленые носки,
чтобы рыбу одеть в глубине воды.

Неси, ликующий день,
звон
серебряной чаши!

Вардавар – традиционный армянский праздник, отмечаемый летом и считающийся праздником воды.

* * *

...И опять ухожу
по дороге к неясному прошлому...
(Ну а ливень – лениво и грозно –
ударяет в окно, как в литавры,
а в замерзшей речной глубине
замирает упрек полусонный)

И дома позади,
и леса позади,
я один.
И – как вкопанный в снег –
я стою
в ожидании белого чуда.
(Ты сбегашь с прозрачного неба,
ликуя и вытянув руки,
ты – дитя одинокой Луны –
ты лицом припадаешь ко мне
мягко, бережно и беззащитно)

Ну а я, забывая, что все это сказка,
оборачиваюсь...
Только что ты была так близка,
а теперь – неуверенно таешь,
миг один – и исчезнешь совсем,
миг один – и наступит Забвенье...

ТЕМИРТАУ

Я слышу, как дышит железная лава,
скорлупку завода таранит, корежит;
здесь лица светлы, и ладони шершавы –
как будто корой покрывается кожа.
Иду к огнедышащим трубам завода,
меж ними я свой, рядом с ними, как дома,
где зелень и мох, и на тихие воды
цветы свои вишня роняет знакомо.
Вы – дети мои – плоть от плоти рабочей,
вы – страсть моя в горне горячего тела,
вы – ясные дни мои, светлые ночи,
в которые птица однажды влетела –
под сводом гудящего цеха гнездится
небесное, стройное чудо такое...
И вскормлена эта стальная жар-птица
натруженной, крепкой рабочей рукою.
Одно лишь перо – языков девяносто,
народов, миров и работ девяносто.
Под сильными крыльями птицы огромной
достанет тебе и тепла, и заботы,
когда я стою перед огненной домной,
когда у Железной Горы есть работа.

* * *

Пусть растают одежды,
и голый,
чтобы сразу меня узнали,
выйду, встречу бедную птицу –
некрасивую, мокрую, тихую –
что слетит на мое лицо.

Как земля, буду я бессловесен
(а земля всегда умолкает,
когда птицы, деревья и люди
говорят с ней на языке
верности и надежды);

пульс нащупаю робко
тяжелый и ровный,
буду слушать и слушать его,
и под пылью воспоминаний
я увижу горячее сердце.

Настоящее солнце.

ИН БОН СИК

(1932 - 2005)

Перевод с корейского

ЗАВЕЩАНИЕ

(баллада)

Ли Хак Суну

Бирюзовыми волнами
ветер играет лениво.
Головою усталою клонится
солнце все ниже.
Стайка лодок, беременных рыбой,
скользит по заливу,
Ближе,
ближе к родным берегам.
И горячие брызги заката
на бронзовых лицах.
На душе безмятежный покой:
поработали славно!
И улов по труду – да какой! –
этим можно гордиться.
Нынче всем улыбнулось
рыбацкое счастье...

Да, весна в том году обещала удачу.
И река битый лед голубой
уносила в безбрежную даль.
Вешний ветер ярился, трепал паруса,
завывая натужно.
Вширь Или разливалась.
И дружно
с гор сбегали ручьи,

унося свои талые воды в долину.
Вереницы судов на стремнине.
– Поскорей, торопись! – подгонял бригадир.
Рыбаки поспешали – рыбной ловли сезон.
Вот лихая забава!
Сильным, ловким – им все по плечу!
За рассветом,
хмелея от свежего ветра,
ушли рыбаки.
Пять друзей неразлучных – пять пальцев руки:
Эм Иван, Ким Сережа, Молдаров, Сейтунов,
с ними Ю Николай.
Положиться на каждого можно.
А иначе нельзя.
В этом соль, непреложный
рыбацкий закон.

Ли Хак Сун говорил не спеша,
вольный ветер ладонью руки разрубая:
«Первым ловом
мы дверь открываем путине.
Словом,
чем он богаче, тем будет удачнее год.
А хороший улов на реке –
к урожаю в полях».

Так любил говорить Ли Хак Сун,
а уж он-то знал все.
Знать, не зря говорили:
духи рек и озер его в тайны Или посвятили.
Зря не скажет народ...

Да, зима на просторах речных
здесь не сразу сдается.
Еще в силе мороз, а рыбак уже чувствует,
сердцем чувствует, что в ночь эту тронется лед.
И пошел ледоход, вслед за ним косяки.
Ставьте сети свои, рыбаки!
Тут уж время не в счет.
Дни и ночи – бессонная вахта.
Все заботам обыденным рады.
И не ради корысти,
не одной только выгоды ради.
Здесь рыбацкий азарт верховодит,
побеждая усталость и сон.
Он – в крови рыбака.
По наследству азарт переходит...

Осень тридцать седьмого на Дальнем Востоке –
шла путина большая.
Все своим чередом.
По привычному кругу
нарождалась на небе восьмая луна.
Был Чусок на носу.
В поле зрел урожай,
в море рыба ловилась.
И тогда, будто гром среди ясного неба,
эта дикая, страшная весть...
Трое суток на сборы...
Нет, я больше не в силах об этом писать!
Это было уже. Это было когда-то.
Что за доля такая –
дважды изгнанным быть!

И за что мой народ впал в немилость пред Небом!
Кто ответит: за что?!
Нет ответа, ответа не будет.
Изболелась душа, без вины виновата...

Что с собою возьмешь?
Дом родной не прихватишь,
и из моря не вычерпать рыбу,
урожай не уложишь в карман...

Помнит Ли –
при прощанье
туманно и холодно было Охотское море,
Помнит, как завывал
ранней осенью ветер восточный.
Как тянулись составы один за другим –
на закат, на закат, на закат...
И как долог и труден был путь.
И сдержать себя не было сил.
Ведь для многих тот путь оказался последним.
И на каждой версте здесь до сотни могил.

*На дорогу глядел
и не видел дороги от слез...*

Помнит Ли,
как он праздник Осеннего Вечера встретил в пути,
Не под бой барабанов –
под грустную песню колес.
Помнит детскую песенку –
голос, дрожащий от слез:

*Из Восточного моря в селение к нам
приплыла Черепаха по бурным волнам.
Королевским встречай угощеньем!..*

Нет, не встретит никто.
Где-то там, далеко,
там дома, как могилы,
там могилы отцов
порастают дремучей травой,
колос зерна роняет на землю,
как слезы,
рыба мерзнет в воде
и бесшумно уходит в морские пучины,
а на отмели гуси готовятся в дальний полет.
Унесенная ветром
в середину залива,
одинокая лодка плывет
в пелене снегопада.

*Только в дальней дороге
поймешь ты людские надежды...*

Те, кто все же добрался до края земли,
кто прошел этот путь до конца,
вспоминая далекий потерянный рай,
сжали волю в кулак
и скрепили сердца –
надо жить!
И они обживали неведомый край.
Лишь глухая печаль
по ночам омывала им сердце,

била тяжело в виски.
Так лишь волны шумят, ударяя в причал...

Ли Хак Сун осмотрелся:
«Что ж, попробуем жить!»
Он ведь твердо стоял на земле
и труда не боялся.
Соль Охотского моря, крутые шторма,
обжигающий ветер
не только лицо продубили...
В Ли Хак Суна поверили люди
и сразу его полюбили
за его прямоту, за упорство и твердость,
а еще за большое и доброе сердце.

Все, что было у Ли, –
говорунья-жена, шаловливые дети
да рыбацкие сети.
Вот и все состояние Ли!

Кстати, здесь до его появления
рыбу сетью никто не ловил.
Надо прямо сказать,
что селу повезло несказанно,
Если даже крутое Приморье не знало
равных Ли рыбаков.
И не только Приморье...
Восемь лет он ходил капитаном рыбацкого судна,
был главою артели.
И не только в словах,
но и в деле был смел и отважен.

Скажем так,
что талант жоака в Ли Хак Суне от бога.
Все его признавали...
И сердце держал он открытым.
Головы никогда не терял.
Никогда не юлил,
рыбу в мутной воде не ловил...

Как-то раз их бухгалтер, говоря о работе артели,
мол, на двадцать процентов
превысили план годовой,
километрами слов всех и цифрами так заморочил,
что не выдержал Ли,
обалделой потрянул головой:
«Ближе к делу! Короче!
Это все ваши игры!
Не надо нас планом пугать:
ваши планы – это просто бумажные тигры!
Все они рождены за конторкой...
У природы свой план и законы свои.
План рождается морем... Тем, как люди живут...
Не проценты важны, важен труд!»

...За семь лет Ли удвоил уловы
и возглавил рыбацкое дело в поселке Куйган.
А ведь все начинать приходилось с нуля.
Надо было, чтоб люди поднялись с колен,
чтобы новые корни пустили и жили достойно.
Расцветало село, оживала земля,
и за крепкой железной спиной его
людям было спокойно.

...Знаю я, что ничто в этом мире не вечно:
и к железу приходит усталость.
Знаю я, что завистники были и были наветы.
Но о них говорить – слово бросить на ветер...
Да и где они?! –
даже имен не осталось.

Скручен тяжким недугом,
Ли Хак Сун написал завещанье –
уникальный по сути своей документ.
Как хозяйство вести?
Как удвоить уловы?
Кем его заменить?
Что построить и где?
...О жене и о детях ни слова!

И у края могилы – все заботы о людях.
С неба звезд не хватал и в героях труда не ходил.
Только если вдруг речь заходила о нем,
все вокруг головами кивали:
«Ли – знатный рыбак!»
И, поверьте мне, это немалого стоит.

...Вечный пленник у рек и озер Ли Хак Сун,
знаю я, что святая душа не парит, не витает –
обитает отныне, как рыба,
в реке под Куйганом...
По себе ты оставил лишь добрую память,
а еще сыновей, –
все достойны отца, –
и любимую дочь.

*Я в мыслях тороплюсь
к излучине речной,
гляжу из-под руки –
о берег ветер бьется.
Хлопочут рыбаки.
Повсюду лодки, лодки.*

И только нет одной...

ЦЕЛЬ

Стаи птиц, расправив крылья,
тонкой нитью пролетели.
Небо дали приоткрыло,
дали приоткрыли цели.

Полнит крылья ветер попутный,
а в глаза глядят метели.
Там, за пеленою мутной,
ясно видятся им цели.

Но в тревоге будет биться
сердце каждой: «Неужели
кто-то в схватке с хищной птицей
упадет вдали от цели.

Смерть в когтях иль смерть от пули
нам грозит в земном пределе?!»
...Но с пути вы не свернули,
вы упрямо рветесь к цели.

Целью движимы одною,
и живой единой цепью...
Лишь вперед... любой ценою...
Чтоб узнать, что там – за целью?

ДО ПРИХОДА ОСЕНИ

Хороводы водят бабочки в садах
и с цветка перелетают на цветок,
одарить не забывая влопыхах
поцелуем нежным каждый лепесток.

Будет вечно сердце жаждать красоты,
этой жажды ничем не утолить...
Как затеет осень рвать с дерев листья
и швырять по ветру их, и слезы лить.

Скоро осень – новый солнца поворот.
И природой красоте отмерен срок...
Вот и бабочки летят из года в год
умирать на умирающий цветок.

Как хотела бы в саду цветком я стать,
расцветая, пробуждаться по утрам...
Что в душе цветка никто не может знать –
можно только догадаться по глазам.

ОСЕНЬ

Осенний листопад, лучистая пора,
и солнце позолотой кроет листья.
Конец всегда один – бесхитростна игра:
всем суждено с землей в объятьях слиться.

И ветром ледяным осенний сад прошит,
все довершить спешит прислужник смерти.
Но лист, покуда жив, он, как душа, дрожит
перед лицом смертельной круговерти.

Прощальный жест – пока! Парящий в небе лист
покинет мир без слез и укоризны.
Он верит истово, – и верой этой чист, –
что в смерти смысл и польза есть для жизни...

РАЗГОВОР С КУКУШКОЙ

*По легенде девушка Зейнап, став кукушкой,
ищет по всему свету своего возлюбленного
по имени Каккук.*

Пестрокрылая кукушка
все звала – Как-кук, как-кук!
Где ж неверный твой, подружка,
но любезный сердцу друг?

Ты стройна и величава,
и задумчиво грустна.
Песня, полная печали...
Голос – звонкая струна...

И, напевом тем согрета,
в руки я взяла дутар.
Ты поверишь мне секреты
и любви безумной жар.

Я свои доверю тайны
и с души сорву засов.
Знаю, встреча неслучайна,
я лечу на этот зов.

Я лечу... лечу... в сады...
Став кукушкой, как ты...

КНИГА ОСЕНИ

Вновь золотом солнце осеннее брызнет,
ярчайшими красками листья означа...
А листья летят – словно дни моей жизни,
в которых жила я, ликуя и плача.

Быть может, что прожито мной это время
не так как хотелось, не так как мечтала...
Короткою повестью стала поэма,
когда ее заново перечитала.

Ненужные я вырывала страницы,
где горькие встречи, пустые советы,
где хмурые лица бредут вереницей...
Но книга закрыта... Окончилось лето...

Так золото осени в лужицах мокнет...
Так золото дней моих меркнет и блекнет...

РЕКА ВРЕМЕН

*Августовским вечером сижу на берегу, наблюдая,
как река уносит вдаль краснощекие яблоки...*

Как яблоко в реке, плывет душа моя.
Река времен течет, беснуясь и играя.
Накроет с головой тебя одна струя,
и вынесет наверх струя другая.

В речной водоворот была вовлечена
и вырвана из плена ненароком,
Ужели ты, душа, навек обречена
собой речные обивать пороги?

Пусть смотрит свысока плывущий в челноке,
пусть лодки по волнам скользят, качаясь.
Но кто-то должен плыть, наперекор реке,
за каждую соломинку хватаясь.

Вот так река времен нас за собой влечет...
И душу мне саднит... Но молчаливо
надеется она, что все же доплывет
до заводи под сень плакучей ивы!

СОЛОВЕЙ

Ты поешь по ночам среди зеленых ветвей
в самом темном углу одичалого сада,
неприметная пташка моя – соловей,
мой незримый певец, ты поешь без надсады.

Ты слагаешь в ночи за газелью газель,
тишину молчаливого сада нарушив.
Чудный щелк-перещелк и волшебная трель
пробуждают к любви очерстневшие души.

Так природой задумано было, чтоб ты
щедро тратил свой дар – голос звонкий и чистый,
чтоб от песни твоей сладкогласной цветы
по утру расцветали улыбкой росистой.

ВДОХНОВЕНИЕ И ВЕТЕР

Собирались облака в небе стайкой
и на землю проливались дождями,
на деревья, на дома, на лужайки.
Я ловила капли теплые горстями.

Отчего-то на душе зрела зависть, –
мои чувства не вмещаются в сердце,
мои мысли вновь и вновь разбредались,
собирала – не собрала их вместе.

«Может, зря я хлопочу? – кто ответит?
Может, просто не хватает уменя?»
«Ты, пойми, дружок, – выдохнул ветер, –
все так просто, это – лишь вдохновенье».

РАЗМЫШЛЕНИЯ О ЧЕЛОВЕКЕ

Любовь красою рождена, а мы – любовью,
И материнская любовь родит сыновью...
Откуда же берутся те, что миром правят,
В чьем сердце ненависти яд и жажда крови.
Да, время мчит – не удержать! – крутым опором,
И человек который год и век который
Спешит вослед – о, этот спор его извечен! –
И жадным взором каждый миг его отмечен.
В груди холодной, став железом, сердце стынет,
И человек беспечен, глух в своей гордыне.
Из чрева матери своей явился миру
мир был большим – но тесен стал ему отныне.
Ему в природе одному все на потребу,
И нет превыше никого – одно лишь небо.
И вот уж пучит ум его подобно бомбе
Он взором мысленным своим взрывает небо.
Быть может, поросли его следы цветами,
Но он пустыню породил, пройдя садами.
И он глаза своих озер засыпал солью,
И ядом реки и моря поил годами.
Ему – и птица в небесах, и рыба в море,
Ему – вода в лесных ключах, златые горы.
И груди матери-земли он в кровь кусает...
И стынет кроткая земля в немом укоре.
Ни мир не ведом, ни покой – он взором хищным
Все стережет, чего-то ждет, чего-то ищет...
Он все богатства обретет, но пусть не взыщет,
Что стала бедною душа и сердце – нищим.

КОЛЫБЕЛЬНЫЕ

* * *

Баю-баю, беленький,
в белой колыбеленке.
Ты не плачь, малыш, не плачь.
Дам я проса горсточку,
сахарную косточку,
пёрышко цапельки.
Потерпи капельку!

Баю-баю, деточка,
тоненькая веточка.
В чёрный день и в чёрный час
будешь солнышком для нас.

* * *

Баю-баю, беленький,
в белой колыбеленке.
Будут гости издали,
ты барашка заколи,
сам отведай курдюка.
Спи, мой беленький, пока!

* * *

Баю-баю, беленький,
в белой колыбеленке.
Уложу на бочок,
подстелю потничок,
принакрою тонкой
вышитой попонкой.

Наша мать с беседушкой
ходит по соседушкам.
Ты не плачь, малыш, не плачь.

* * *

Где же ты, мой сладенький?
Он гостит на свадьбе.
Пусть же веселится он,
девушками окружен.
Пусть же пальцы тонкие
нижут кольца звонкие!
Ты не плачь, малыш, не плачь.

* * *

Глаз моих бессонных зренья,
сердца моего биенье,
крови жаркое теченье,
солнышко мое, малыш!
Тихий мой речной камыш!
Шапочка моя соболя!
Перышко моё соколье!
Альди-альди, альди-ай,
спи, сыночек, засыпай!

ЗАГОВОР КОЛЫБЕЛИ

Аласа, аласа, алас!
Вот хозяин пришел – алас!
Прочь беда,
прочь напасть от нас!
От дурных речей,
от недобрых глаз
аласа, аласа, алас!
Сорок ребрышек – алас!
тридцать позвонков – алас!

Перед тем, как уложить ребенка в колыбель, ее окуривают дымом можжевельника...

СНЯТИЕ ПУТ

* * *

Тай-тай, малыш, тай-тай!
Смелей, малыш, ступай!
На пядь шагни, на вершок.
Обрадуй нас, малышок!

* * *

Топ-топ, малыш, топ, малыш!
Порадуюсь, топни лишь!
Я распустил узелки,
Распутал путы-силки!

Топ-топ, малыш, топ, малыш!
Ступай смелее, глупыш!
С тобою рядом пойдём
И каждый шаг твой сочтём!

Топ-топ, малыш, топ, малыш!
Порадуюсь, топни лишь!

Топ-топ, малыш мой, ступай,
Смелей по жизни шагай!
Резвясь, скачи в дальний путь,
Всех обойди, первым будь!

Топ-топ, малыш мой, беги!
Да будут твёрды шаги!
Шагай по жизни смелей,
Преграды все одолей!

ТЕЛЕНОК

Густой камыш обойдёт,
В густой камыш не пойдёт телёнок.
Задам коню я овса,
Так проглядит все глаза телёнок.

Меня с поминок домой,
Меня со свадьбы домой,
Как иноходец, несёт телёнок.
А если пчёлы за мной,
Меня, конечно, спасёт телёнок.
Но запропал он вчера,
Искал его я с утра.
Лысёнка, черненький мой,
Боюсь, придёшь ли домой?

С поминок наша сестрица
Пускай скорей воротится,
Телёнка бы повстречала,
Так мне сказала б сначала.

На свадьбе наша сестрица
Не вздумала б загоститься,
А вдруг он в стаде резвится,
Так мне сказала б сестрица.

Вот так искал я телёнка,
Поймал на лёжке зайчонка –
Глазами лупает, просит.
Но где телёночка носит?

То на холмах он резвится,
То по оврагам таится,
Голодным рыскает волком.
Ну, хватит бегать без толку!
Ты до проказ, видно, падкий
И не оставишь повадки.

Что ж, изловчусь, поймаю, но знай –
На себя, теленок, пеняй!

ЖУРАВЛИ ПРИЛЕТЕЛИ

Журавли прилетели, сношенька.
Подымайся с постели, сношенька.
Расстилай ковры,
приоткрой тундук,
подтяни аркан,
отворяй сундук.

БЕГ ТАЙБУРЫЛА

(из эпоса «Кобланды-батыр»)

Тайбурыл летит, тяжело храпит.
Грозен взмах, не крыл, – четырёх копыт.
И земли скакун не касается –
над землёю путь простирается.
Только потом путь Тайбурыл кропит,
за ушами пот, тяжело храпит.
Птица, в небесах поостерегись, –
Тайбурыл летит, забирает ввысь,
стала близью даль, стала далью близь.

Тайбурыл – легендарный скакун Кобланды-батыра.

ЖЕЛАНИЕ МАЛЫША

Ярочка белая, объягнись,
восемью ягнятами обернись.
Пусть все будут тучными,
тучными – нескучными.

Жеребись, кобылка, жеребись,
жеребёнком резвым обернись.
Пусть – другим не пара –
будет тулпаром.

Козочка пёстрая, окозись,
четырьмя козлятами окажись.
Пусть, всё будут пёстрыми,
с рожками острыми,
пусть ведут всегда
за собой стада.

Отелись, коровка, отелись,
и шестью телятами обернись.
Пусть быками будут,
выше верблюдов.
Чтобы мой отец оседлать их мог,
чтоб не гнули спин, не сгибали ног.

ПАСТУХ

(Что сказал волк пастухам)

«Эй, пастушок, пастушок,
Беги скорей на лужок.
Позовут играть – иди,
Одну ярку прогляди».

Два бездельника без труда
За игрой пропасут стада.

«Вот пастух на коне сидит,
Тот пастух на коне – сердит.
А пастух на верблюда сел,
Сел и тотчас окаменел».

Что увидит Пастух с вола?
Овцы съедены. Все дела!

О ПОКРОВИТЕЛЯХ ЖИВОТНЫХ

За лошадами глядит Камбар-ата,
За барашками следит Шопан-ата,
За коровами Зенги-баба глядит.
За верблюдами Ойсылкара следит,
А за козами Сексек-ата присматривает.

КОРОВА

Овод нападёт, взбрыкнётся,
сломя голову несётся,
вьётся пёстрая верёвка,
в нос кольцо продето ловко,
кисточка вместо хвоста,
любит топкие места,
где пройдет – лепёшку бросит,
молоко с полей приносит,
много молока парного,
а зовут ее – корова.

КОГДА ПАСЕШЬ СКОТИНУ

Пас козлят – со слезами пас.
Пас овец – бубенцы припас.
Пас коров – семь потов сошло.
Пас коней – словно врос в седло.
Пас верблюдов – глазами пас.
Пас козлят – слёзы лил из глаз.

ОСЕНЬ

Будет снег над землёй роиться.
Дочь у тёти Жамал родится.
Ты доглядывай, нерадѣха,
как бы не застудилась кроха.

Землю скроют туманы.
Парочкой
загуляют баран и ярочка.
И болтанку на кислом курте
будет мама готовить в юрте.

ВОРОБЕЙ

Что глядишь, воробей, воробей?!
Просишь проса? Бери, не робей!
И клюёт, и клюёт, пока
Не раздуются кормом бока!

ПЕТУШОК

Петушок, петушок, горластый,
по утрам распевать горазд ты,
под окном пропоёшь трижды,
гребешком потрясёшь — ишь ты!

СОРОКА

Балаболит балаболка.
У коня натёрта холка.
Как привяжется сорока –
начинается морока:
конь в овраге криком кричит,
ног не чуя, полями мчит.

ВОРОНЫ

Ворон, ворон, вороны,
Вьюга во все стороны.
Зимний день ненастный
Гонит в лес несчастных.
А ударит мороз –
Пробирает до слез.
Ищут корм по дворам,
Прибирают к рукам.
Глянут раз, глянут два,
Клюнут раз.
И мороз не мороз –
Плюнуть раз.

КЕКЛИК

Я был кеклик, непоседа, шалун,
Прыгал с камня да на камунь-валун.
Злые девушки словили меня,
Хвостик вырвав, подпалили меня.

СКАЗКА

Не сегодня, не вчера
козочка была пестра,
а фазаны — красными,
ну а перья на хвосте —
длинными да разными.
Как-то на свою беду
пробежал фазан по льду:
ножки как разъехались —
до сих пор не съехались!

ЛЯГУШКА

– Погоди, лягушка, немножко.
Почему голова лепешкой?
А глаза почему как плошки?
Почему раскорякой ножки?
– Как-то шлем железный надела,
Оттого головка лепешкой!
С караульных холмов глядела,
Оттого и глаза как плошки!
Много лет я сижу без дела,
Оттого раскорякой ножки...

СЧИТАЛОЧКА

Раз, и два, и три...
Прячься
Да смотри:
Этот счёт простой –
Не лови ворон.
Ты ещё постой,
А ты – выйди вон!

ЖАРЕНАЯ ПШЕНИЦА

На жару, жару зерно.
Жарим курам заодно –

Большой-старшой,
Утка голосистая,
Тополь серебристый,
Беленький альчик
Да проворный мальчик.

Ты встань – пойдя к козлятам!
Ты встань – пойдя к ягнятам!
Ты встань – пойдя к телятам!
Ты – к жеребяткам!

А ты, старикан-истукан,
Держи казан,
Дно оближи,
Дома лежи!
Масло и курт здесь отыщу...
Защекочу!!!

БЕРКУТ И ВОРОН

Однажды беркут, повстречав ворона, спросил:

– Слушай, ворон, мы с тобой одного роду-племени. Но скажи, отчего это вы, кроткие птицы, триста лет живете, ну а нам отпущено только тридцать лет?

На что ворон ответил:

– Вы добычу живую ищите, кровь горячую пьете, – мы ж питаемся мертвечиной.

За добычею беркут и ворон отправились вместе.

Так летели они, летели и завидели палую лошадь среди голой степи. Опустился ворон на труп, стал желанную пищу поклевывать.

Беркут – думал вкусить долгой жизни – клюнул раз, но тут же отпрянул.

Улетая, беркут сказал:

– Пропади оно пропадом, так зловонно – с души воротит. Чем питаться падалью триста лет, лучше тридцать лет по обычаю!

СОБРАНИЕ МЫШЕЙ

Всякий раз, сунувшись в амбар, мыши становились легкой добычей тамошнего кота. И вот однажды, забывшись в уголок, они решили держать совет.

– Как избавиться нам от злого, коварного кота? – пропичала мышь, возглавившая собрание.

Думали мыши так, думали эдак, но ничего путного им в голову не приходило. Сидели тихо, глядели потерянно, и вдруг одна из них сказала со знанием дела:

– Надо бы коту на шею навесить колокольчик. Тогда мы еще издалека будем знать о его приближении. И всегда успеем скрыться.

– Хорошо, так мы и сделаем... – усмехнулась в ответ мышь постарше.

– Да, так мы и сделаем! – радуясь найденному решению, завопили мыши.

Но в это время другая, очень старая мышь спросила:

– М-да, так кто из вас пойдет и нацепит на кота колокольчик?

Все испуганно вытаращили глаза.

Говорят, до сих пор размышляют мыши и не находят выхода.

СКАЗКА О ТОМ, КАК ЗВЕРИ ГОДА ДЕЛИЛИ

Как-то бог, созвав животных, решил одарить каждого «своим» годом. Первый год в этом живом круге, который все мы называем мушель, получила мышь, следом шла корова, потом тигр и заяц, за драконом змея и лошадь, а за бараном обезьяна, петух да собака и, наконец, кабан. А еще в народе говорят, за каждым «несъедобным» годом идет «съедобный». Вот только лошадь со змеей поменялись местами: будучи учливой и участливой, лошадь пропустила вперед медлительную змею, поскольку ни ног, ни рук у нее, несчастной, нет. Как уж они там делили года – никому неизвестно, да и неважно. Но о том, почему первый год достался мыши и как верблюд остался ни с чем, люди хорошо помнят...

Бежали по степи звери, спешили. Корова неслась, сломя голову, дороги не разбирая, хвост высоко задирая; змея ползла, каждый кустик, каждый камушек огибая, заяц то кубарем летел, то вприпрыжку скакал; лошадь плавной иноходью шла, гордо и прямо голову держала; бежала мышка – по кочкам, по ямочкам, по кочкам, по ямочкам.

Бежали по степи звери, спешили. А верблюд, безмятежно жуя свою бесконечную жвачку, провожал каждого недоуменным взглядом.

– А ты чего стоишь? Так можно и жизнь прожевать! – пискнула мышь.

– Что случилось-то? – спросил верблюд.

– Что случилось? – стала передразнивать его мышь.

– Года делят, вот что случилось? У каждого теперь свой год будет!..

– Да ну! – изумился верблюд. Он хотел было побежать вслед за остальными, но мышь остановила его отчаянным криком.

– Нет, так не пойдет... Я тебя пожалела, все рассказала, а теперь тебе на меня наплевать?!

Верблюд подумал, слегка сплюнул в сторону и сказал.

– Ну да ладно, садись...

Они мчались быстрее ветра – и все же оказались последними. Все звери уже сидели кругом и, поделив меж собой года, спорили лишь о том, кому должен достаться первый год.

– Я даю человеку молоко, мясо, шкуру. А если надо, то и землю пашу. И первый год мой, – промычала корова.

– Я все даю, что даешь ты, все делаю, – возразила ей лошадь. – Но я еще и под седлом хожу и только я могу сделать близким далекое...

– Да разве твою силу сравнишь с моей, – сказал верблюд. – Взвали на тебя половину моей поклажи, ты и ноги протянешь. К тому же ни овса, ни ключевой воды не прощу. Ем, что бог пошлет, пью редко. А молоко мое и мясо не хуже вашего, да и шкура покрепче будет...

– А ты вообще молчи, ты последним пришел. На вас двоих один год остался, – растолкав всех крепким лбом, выбежал на середину круга баран. – Из чьей шерсти свалили кошму и юрту покрыли? Из чьей шкуры тулупы шить? Мой первый год!

– Пустое мелет баран! Да если бы не я, всех вас давно бы воры покрали либо волки задрали! Я вас всех стерегу, а, завидев врага, хозяину весть подаю, – сказала собака.

– Я до света встаю, всех бужу, на работу зову, а на вечерней заре в дома зазываю, – прокричал петух. – Нет меня важнее.

Спорили они, спорили, покуда мышь, которой нечего было сказать, не выбежала вперед и не пропищала:

– Друзья, оставим споры. Пусть первый год достанется тому, кто первым увидит Солнце Нового Дня.

И тогда звери согласно закивали головами, а верблюд больше всех обрадовался:

– Все равно я первым увижу Солнце.

Прошло какое-то время, все давно уже угомонились и устроились на ночлег. Только Мышь непрерывно снова-ла туда-сюда, искоса поглядывая хитрыми глазками на верблюда.

– Нет, не дожить мне до утра, не дожить... Сил моих нет терпеть этот холод... Миленький, спаси, помоги, – дрожа всем телом, обратилась она к нему. – Позволь влезть на твой горб. Дай согреться, не дай умереть...

– Хорошо, но только сядь лицом на запад и не гляди на восток, – сказал верблюд, даже не взглянув на нее.

– Теперь мне все равно куда глядеть, – сказала мышь, зарываясь в густую шерсть, – тепло да и ладно...

А сама подумала: «Вот те на! Саму себя перехитрила!» – и загрустила.

Побледнели звезды, посветлело небо. Верблюд, вытянув шею, во все глаза всматривался в горизонт. «Кажется, я первым увижу солнце!» – пробормотал он. И в тот же миг мышь, сидевшая у него на горбу, тихо и несмело прошептала: «Солнце?!»

А потом вдруг радостно закричала: – Я вижу Солнце! Солнце Нового Дня!!!

– Солнце? На закате? – насмешливо фыркнул верблюд, но, обернувшись, обомлел от удивления: величественные вершины Западных гор уже осветились первыми утренними лучами.

Глянул верблюд на восток, и там край неба узкой полоской алеет.

Всходило солнце. И первой увидела его мышь!

Рассердился верблюд, плюнул и пошел, куда глаза глядят. Он всегда считал, что нужно либо первым быть, либо вообще никаким... Мышь, скатившись с горба, с жалостью глядела ему вслед.

– Да ты не расстраивайся, – тараторила она, едва поспевая за ним. – Ты только посмотри на себя: все мы – каждый сам по себе, а ты совсем другое дело. Губа у тебя заячья, шея змеиная, грива львиная, копыта кабаньи, молоко белее и слаще коровьего. Шерсть теплее овечьей, а хвост... хвост, как у меня...

Обиженный на весь белый свет, верблюд шел все дальше и дальше, а мышь, пытаясь утешить его, все говорила и говорила:

– А глаза у тебя... глаза... Нет ни у кого таких глаз... Смотришь на тебя – и вспоминаешь все года разом...

Вот так самонадеянный верблюд лишился года, хитрой проворной мыши достался первый год, а людям – эта сказка да поговорка: «Понадеялся верблюд на рост, да с носом остался».

ЗАГАДКИ

Колесо в степи росло –
его ветром унесло.

Перекаати-поле

Тетушка пряжа
в голубой рубахе.
Рукава легли
да за край земли.

Труба и дым

Шапка зернышек полна,
утром глянул – нет зерна.

Небо и звезды

Норовист горбатый конь,
мастью рыжий, как огонь.
Конь былинку тащит в гору –
конь не ведает измору.

Муравей

Белый-белый сундучок,
приоткрылась крышка – щёлк! –
и пролился алый шёлк.

Рассвет

Выше коня,
ниже ягня.

Седло

По степи гуляло мыкало,
спинку иглами утыкало.

Еж

На два очага
одна кочерга

Язык и ноздри коровы

День-деньской сражаются,
ночью обнимаются.

Ресницы

Ходит-бродит животина,
две горы взвалив на спину.

Верблюд

Перевод с верхнелужицкого

БОГАТЫРЬ СПРЕЙНИК

Некогда жил в долине среди Лужицких гор большой и сильный человек. Звали его богатырь Спрейник. Он обладал такой непомерной силой, что мог вырывать с корнями могучие многовековые деревья; выковыривать из земли камни, громадные как облака на небе, складывать их в кучи или рассеять по земле. Никого он не боялся и потому не носил никакого оружия – ни щита, ни копья, ни даже лука и стрел. Многие люди были ему подвластны и следовали за ним, как пчелы за пчелиной маткой.

В один прекрасный день собрались его подданные и обратились к нему с такими словами: «Богатырь Спрейник, нам бы очень хотелось навсегда остаться в этом краю. Мы знаем, что ты всегда будешь нас защищать; ты силен, и нам бояться нечего. Но когда ты лежишь посреди долины или сидишь в своей пещере, ты не можешь видеть того, что происходит во владениях твоих. А потому мы просим тебя: построй нам надежное убежище, а себе сделай лук и выточь стрелы – для того, чтобы ты мог издалека защитить нас от наших недругов».

И тогда заложил богатырь Спрейник по обе стороны долины, давно уж облюбованной им, город и назвал его Будишином. А краю этому дал имя Будисса. На границах ее он возвел высокие крепкие башни: одну севернее Хутчины, другую близ Ракецы и третью у Строжищо. Он смастерил себе копье, стрелы и лук, а потом решил испытать, как далеко могут стрелы его пролететь, – и, оборотившись лицом к полудню, выстрелил раз-другой. Позже люди нашли эти стрелы далеко в горах. Никто не смог вытащить их руками из земли, – так глубоко они в

нее вонзились. Когда же наконец они вырыли их, то из дыры забила ключом чистая студеная вода, и она дала начало реке, которая до сего дня бежит через весь лужицкий край. В память о богатыре люди назвали ее – Спревья, а место, откуда послал богатырь свои стрелы, – Стрехла.

ВЕЛИКАНЫ И ДУБРЕНЧАНСКАЯ ГОРА

Неподалеку от Вослинка жил в давние времена великан. И была у него единственная дочь. Малышкой, как все дети, она любила возиться в песке и играть с камушками. Но вскоре оставила эти забавы, потому что стала большой и сильной, как отец. Как-то раз задумала она напротив холма, который облюбывал ее отец, взгромоздить новый. И тотчас же приступила к работе. Ранним утром, задолго до того как проснулся отец, она подвязала фартук, нагребла в него земли и песка, и, пробежав не более четверти часа на восток, выложила кучкой. Многажды она проделала это. Но в последний раз заметила она, что в фартуке барахтается какое-то странное существо о четырех ногах и еще одно – чуть поменьше. А то крестьянин землю пахал на лошади.

Дочь великана поиграла с ними немного. Но, больно уколов погонялкой палец, поневоле сжала руку и раздавила их. Когда она показала свою ладонь отцу, тот печально поник головой и сказал: «Не думал я, когда ты родилась, что ты принесешь мне такое несчастье. Из-за этих маленьких червячков – их еще называют людьми – кто-то из-за нас может поплатиться жизнью или мы должны покинуть эту страну. Мы не можем тягаться с ними силой. Пойдем, дочь моя, нам только и осталось, что искать иные края, где бы мы могли жить в мире!»

Так появилась Дубренчанская гора. Но с тех пор у нас ничего больше о великанах не слышали.

Топонимика восточной Германии во многом имеет славянское происхождение. От лужицкого *Спревья* происходит немецкое название реки *Шпрее*.

ПАСТУХ ИЗ ЙЕЖОВА

Между Йежовом и Немске Пазлицами есть небольшое поле, ныне пустынное и сплошь усеянное камнями. А некогда здесь один пастушок любил пасти своих овец. Часами сидел он под кряжистым дубом, смотрел на облака и о чем-то мечтал. Однажды прослушал он полуденный звон в деревне и забыл пригнать свое стадо домой. Овцы лежали сытые и сонные у его ног. И тут вдруг появилась Полудница. Вперила она в него свой колючий взгляд и властно потребовала: «Ну, давай, сказывай мне о своих овцах!» Пастушок, напуганный до смерти, стал торопливо рассказывать ей обо всем, что он только знал. Но время текло так медленно, и не прошло еще и получаса, как он уже выговорил все, что мог сказать. С тихой и робкой надеждой ждал он, не донесет ли ветер со стороны деревни бой часов. А Полудница – неумолимая, безжалостная – все это время стояла перед ним. Что случилось потом, не знает никто. Когда же пастушок вернулся домой, стали искать его люди. Но нашли только большую каменную глыбу и много камней вокруг нее. Это Полудница обратила пастуха и его стадо в камень.

Дева Полудница жестоко наказывает тех, кто, находясь в поле, бездельничает в полуденное время.

ЛЮДКИ ИЗ ВОЙЕРЕЦ

У подножья небольшого холма, в горах близ Войерец, жили Будары. Частенько наведывались к ним людки – брать займы квашню. Но как ни придут, все некают да отнекиваются и говорят: «Не нужна нам ваша не-квашня. Не нужно нам ваше не-пёкло. Не желаем вам носить наш не-хлеб!»

Собак они побаивались и, прежде чем войти во двор, всякий раз кричали: «Не сажайте на цепь ваших не-собак, а то они нас не покусуют». Когда же людки возвращали квашню, то в ней всегда было несколько не-хлебных коlobков, которые они выпекали. Были они маленькими, но пышными да такими вкусными.

Пёкло – лопата, на которой сажают хлебы в печь.

ПОГЛЯДИ В МОИ ЯСНЫЕ КАРИЕ ГЛАЗКИ!

Было у Мросака три сына – три дюжих, статных парня. Как-то заприметили они, что по вечерам на Кошинской горе зажигаются и пляшут золотистые манящие огоньки. И вот однажды младший из них прихватил топор, оседлал коня и отправился в путь. Въехал он на гору, метнул топор в колеблющееся пламя, повернул коня да пустил его вскачь. А за спиной у него всю дорогу слышался чей-то ласковый голос: «Обернись разок, погляди, дружок, в мои ясные карие глазки!» Но парень без оглядки мчался к дому. Едва вошел он под родную крышу, как у него за спиной, сверкнув, словно молния, вонзился в косяк топор, брошенный им на лесной полянке. На другой день отправился парнишка на гору, туда, где топор бросил, а там лежит кучка золотых монет. Но с тех пор недоступны стали человеку сокровища людок.

ЛЮДКИ КОШИНСКОЙ ГОРЫ

Один пастух из деревушки Холовы нередко водил свое стадо к Кошинской горе. Был он человеком добрым, и потому всякий раз выходили к нему из горы людки – присмотреть за овцами, а то просто повозиться с ягнятами. В один прекрасный день решили они отблагодарить его и взяли с собой на гору – показать потайную дверцу, что вела к их кладовым, полным золота и драгоценных камней. Ведать-то ведали люди про ту дверцу, да толком не знали, где она. Вошли они на гору Кошинскую, и тут пастух увидел три чудных, сверкающих, невиданных доселе цветка. Людки позволили ему сорвать два из них, а третий, что служил ключом к заветной дверце, срывать не велели. А потом людки вдруг исчезли, так и не сказав, в каком же из этих трех цветков сокрыта волшебная сила. Недолго думая, пастух сорвал два из них, а третий стал вращать за ножку, чтобы открыть им замок. Однако дверь не отворилась. А из глубины холма тут же послышались крики: «Ты сорвал ключевой цветок! Ты сорвал его, и отныне ни один человек не найдет дороги к нашим кладам!»

ЛЮДКИ ГРОДОВОЙ ГОРЫ

Лашке, что жили в селении Гродова гора, поставили новые ворота. А сколотили их из зеленых реек с острыми белыми наверху. На другой день пришли к ним людки. Маленькие человечки были далеко не робкого десятка, однако на сей раз не осмелились пройти через новые ворота и остались стоять чуть поодаль от них. Хозяин спросил, отчего это они не хотят войти во двор как обычно. Но людки сказали, испуганно тараща глаза и тыча пальцами в сторону ворот: «Мы не можем, они тут так не скалят на нас не-зубы, будто не хотят покусать нас».

Но Лашке успокоил их и провел в дом. Людки как всегда попросили займы квашню-неквашню. А потом уселись в нее, и – укатила эта шутовина вместе с ними. Уже на следующий день они вернули корыто и подарили Лашке несколько людковых колобков; и были они серыми как сама земля.

КАК ИСЧЕЗЛИ ЛЮДКИ

Когда сербы начали возводить церкви и на башнях появились колокола, худо стало жить людкам – они терпеть не переносили их звона. И надо же было так случиться, что одной из первых поставили колокольню в Буковцах, а уж там людков было видимо-невидимо. Едва прозвонили в колокол раз-другой, как собралась людки и порешили разбить его. Вырыли они из земли большущий круглый камень, чтобы разнести на куски злосчастный «бубенец». Но поскольку людки были народцем хлипким, то не смогли унести эдакую каменюгу. При этом они так надсадились, что захворали и умерли.

СОДЕРЖАНИЕ

5 Кочевье

Доспамбет-жырау

7 «Здесь земля как земля...»

Шалкииз-жырау

11 «День, когда я превзошел сына бая...»

Ахтамберды-жырау

13 «Каждый может и гордо ступить...»

14 «Шею верблюда груз переломит...»

15 «Этот кумыс...»

16 «И на сердце моем так тяжела...»

17 «Боль моя и моя любовь...»

Татикара-акын

19 «Мир вам, почтенные...»

Шал-акын

21 «Где этой смерти только нет?..»

22 «От смерти не уйти, ее не избежать...»

23 «Орехи с куста, что вырос над кручей...»

Жусипбек Аймаутов

25 Кочевка

28 Пролог к роману «Абилек»

Магжан Жумабаев

31 Мой народ

33 Ораза

35 Повсюду...

36 Слово Хромого Тимура

37 Жизнь

38 Птенец взмахнул крылом

39 «Проливни волос...»

40 Гульсум-ханум

41 «Узник, повязан жестокой тюрмою...»

42 Домбра

44 Волна

46 «Без луны и без роз...»

47 Зима

Кадыр Мырзалиев

49 Плач Асана Кайгы

51 Барымта

53 Стоянка

54 Горение

55 Мы

56 «Быть может, сам я виноват во всем?..»

57 Мечта

58 «Мелькнула мысль...»

59 Летняя ночь

Абдикарим Ахметов

61 Жеребенок

62 Тусау кесу

Ибрагим Иса

65 Старики

67 Ночь. Одиночество

Юрий Хэжка

69 Песня бродяги

70 На чужбине

71 Вечерняя молитва

72 Зеленая Zet

73 Когда?

74 Ночь

75 Первый шаг

- 76 Фантазия
77 Memento
78 Вишня
79 Хэй, еще мы проживем!
80 «Лепет леса слышен еле...»
81 Под звездой освобождения
82 Водяной
84 Цветение вереска
85 Наша сладкая отчизна
86 Как сны твои легки
87 Вечерний ветер
88 Отчий дом
89 В другие края
90 Конец Поэзии малой каморки
91 Матери
92 Родина
94 Над бездной отчаянья
95 Стародавняя ночь

Бено Будар

- 97 Мост Мира
98 В горах
99 Матерям сербским

Томаш Навка

- 101 Никакого ожидания Годо
102 Весна 1978
103 Маленький Принц

Георг Тракль

- 105 Псалом

Франц Кафка

- 109 Деревья

- 110 Ближайшая деревня
111 Желание стать индейцем

Эмил Рупел

- 113 Мама

Атила Йожеф

- 115 Запоздалый плакальщик
117 Заклинание

Ференц Буда

- 119 Снег и тишина
121 Каменная сказка
123 «Я – нищий странник... »

Генрих Гейне

- 125 «Жизнь – удушливый день... »

Райнер Мария Рильке

- 127 «В деревне этой самый крайний дом... »

Кристиан Моргенштерн

- 129 Две воронки
130 Ночная песня рыб
131 Кресло-качалка на заброшенной террасе

Гюнтер Заалманн

- 133 Чили 1973
134 Зеленая тыква
135 «Я мыльницу твою прибил к своей кровати...»

Флориан Кокот

- 137 Раннее мое окно
138 Некролог
139 Рождество
140 Реквием

Слободан Симич

- 143 Последний ратник
145 О красоте

Эдуард Милитонян

- 147 Родина
148 Портрет
150 Моя Родина
151 Вардавар

Римантас Ванас

- 153 «...И опять ухожу...»
154 Темиртау
155 «Пусть растут одежды...»

Ян Вон Сик

- 157 Завещание. *Баллада*

Гульнара Аутова

- 167 Цель
168 До прихода осени
169 Осень
170 Разговор с кукушкой
171 Книга осени
172 Река времен
173 Соловей
174 Вдохновение и ветер
175 Размышления о человеке

Из казахского фольклора

- 177 Колыбельные
179 Заговор колыбели
180 Снятие пут
181 Телёнок

- 183 Журавли прилетели
184 Бег Тайбурыла
185 Желание малыша
186 Пастух
187 О покровителях животных
188 Корова
189 Когда пасешь скотину
190 Осень
191 Воробей
192 Петушок
193 Сорока
194 Вороны
195 Кеклик
196 Сказка
197 Лягушка
198 Считалочка
199 Жареная пшеница
200 Беркут и ворон
201 Собрание мышей
202 Сказка о том, как звери года делили
206 Загадки

Из лужицкого фольклора

- 209 Богатырь Спрейник
211 Великаны и Дубренчанская гора
212 Пастух из Йежова
213 Людки из Войерец
214 Погляди в мои ясные карие глазки!
215 Людки Кошинской горы
216 Людки Гродовой горы
217 Как исчезли людки

Кайрат Бакбергенов

ОТРАЖЕННЫЕ ПРОСТРАНСТВА

Книга переводов

Дизайн и верстка

Кайрат БАКБЕРГЕНОВ

Издатели

Сайран САДЫКОВ,

Гаухар ШАНГИТБАЕВА

Подписано в печать 23.11.2009.

Формат 84x108 1/32. Бумага офсетная.

Печ.л. 14,0. Тираж 500 экз.

Издательство «*СаГа*»

г. Алматы, ул. Желтоксан, 140

(уг. ул. Кабанбай батыра), тел./факс 261 4875

e-mail: izdatelstvo_saga@mail.ru

Кайрат Бакбергенов – поэт, переводчик, сценарист анимационного кино. Книга переводов «Отраженные пространства», представляя поэтов разных эпох, разных языковых стихий и культур, создает особую пространственно-временную реальность, которую подпитывает единое энергетическое поле Поэзии.